

Международный Аспект

Выпуск №1(19) за
январь-март 2025

International Aspect

Vol 6 No.1 (19)
January-March 2025

80-летие спасённого мира: Вторая мировая война и память о ней

Роль советской дипломатии
в установлении канала связи между
Москвой и Лондоном на начальном
этапе Второй мировой войны.
1939-1941 гг.

Карасёва Анастасия Вадимовна

• 16

Значение «миссии Гопкинса»
для складывания и формализации
антигитлеровской коалиции
Васягин Тихон Сергеевич

• 27

Сохранение памяти о Великой
Отечественной войне в международной
деятельности Русской Православной
Церкви. Африканский вектор

Илюшин Илья Сергеевич

• 48

International Aspect

ACADEMIC JOURNAL

Published since 2020 quarterly
Vol.6, 1(19), 2025

Международный Аспект

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал издается с 2020 г. ежеквартально
Том 6, Выпуск 1(19), 2025

Индексируется в РИНЦ

Издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес издателя: 119454 Москва, проспект Вернадского, 76

Publisher: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of
Foreign Affairs of Russian Federation

The Publisher Address: 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76,

ISSN 2949-6381 (Print) ISSN 2949-6365 (Online)

Содержание

Научное обозрение

- Обзор научно-практической конференции
Академии военных наук и МГИМО МИД России «К
80-летию Победы в Великой Отечественной войне: • 4
Победа над фашизмом в контексте
современных вызовов России»
Беломытцева София Александровна

История международных отношений

- Роль советской дипломатии в установлении канала • 16
связи между Москвой и Лондоном на начальном
этапе Второй мировой войны. 1939-1941 гг.*
Карасёва Анастасия Вадимовна
- Значение «миссии Гопкинса» для складывания и
формализации антигитлеровской коалиции* • 27
Васягин Тихон Сергеевич
- Советско-германское соперничество за Турцию • 36
Дурманов Аркадий Александрович

Международные экономические отношения

- Сохранение памяти о Великой Отечественной
войне в международной деятельности Русской
Православной Церкви. Африканский вектор* • 48
Илюшин Илья Сергеевич

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
София Беломытцева

Заместитель главного
редактора
Равиль Шигапов

Редакторы
Арсений Наумчик
Валентин Терентьев
Александра Журова
Влада Ровнова
Георгий Федоров
Анна Александрова
Офелия Закарян
Варвара Кеня
Виктория Игнатьева

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Редакционного совета
Андрей Анатольевич
Байков, к.полит.н.

Ирина Вячеславовна
Болгова, к.ист.н.
Игорь Александрович
Истомин, к.полит.н.

*Данные статьи основываются на исследованиях, представленных авторами в рамках конференции журнала «Международный аспект» на тему «80-летие спасённого мира: Вторая мировая война и память о ней»

Contents

Scientific review

- Review of the Scientific-Practical Conference of the Academy of Military Science and MGIMO University «To the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War: Victory over Fascism in the Context of Modern Challenges to Russia» • 4
Sofiya A. Belomittseva

History of international relations

- The role of Soviet diplomacy in maintaining the communication channel between Moscow and London at the beginning of the Second World War. 1939-1941* • 16
Anastasiya V. Karaseva

- The Significance of the «Hopkins Mission» for the Formation and Formalization of the Anti-Hitler Coalition* • 27
Tikhon S. Vasyanin

- Soviet-German rivalry for Turkey (1939-1941) • 36
Arkady A. Durmanov

Contemporary international relations

- Preserving the Memory of the Great Patriotic War in the International Activities of the Russian Orthodox Church. The African Vector* • 48
Ilya S. Ilyushin

EDITORS

Chief Editor
Sofiya Belomittseva

Deputy Chief Editor
Ravil' Shigapov

Editors
Arsenii Naumchik
Valentin Terentyev
Aleksandra Zhurova
Vlada Rovnova
Georgii Fedorov
Anna Aleksandrova
Ofeliya Zakaryan
Varvara Kenya
Viktoriya Ignatieva

EDITORIAL BOARD

Head of the Editorial Board
Andrey Baykov, Ph.D.
in Political Science

Irina Bolgova, Ph.D.
in History
Igor Istomin, Ph.D.
in Political Science

*These articles are based on research presented by the authors at the «International Aspect» journal's conference «The 80th Anniversary of the Saved World: World War II and the Memory of it»

Contact the Editorial Board via: internat.aspect@gmail.com
intaspect.ru

76, Vernadsky ave., Moscow, Russia, 119454
+7 (495) 229-41-78

Обзор научно-практической конференции Академии военных наук и МГИМО МИД России «К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне: Победа над фашизмом в контексте современных вызовов России»

Беломытцева София Александровна

МГИМО МИД России,

Факультет международной журналистики, 4 курс

19454 Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

РЕЗЮМЕ

Научно-практическая конференция Академии военных наук Российской Федерации и МГИМО МИД России «К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне: Победа над фашизмом в контексте современных вызовов России» состоялась 25 сентября 2025 г. в рамках международного форума «Международные бизнес-тренды: вызовы или новые возможности?» (International Business Trends, IBT-2025), организованного на базе факультета Международного бизнеса. Мероприятие стало продолжением военно-научной конференции научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации и Академии военных наук «80 лет Великой Победе. За мир без нацизма». В год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне Россия сталкивается с новыми вызовами: против нашей страны ведется гибридная война, в которой противники России применяют все средства от информационно-психологического воздействия и санкционного давления до ведения боевых действий, инициирования и поддержания «горячей войны». В связи с этим в научной сфере возникла необходимость тща-

тельного изучения уже накопленного Россией за годы Великой Отечественной войны опыта ведения боевых действий, развития военной промышленности и военных технологий, дипломатического урегулирования и идеологического противостояния деструктивной враждебной пропаганде, равно как исследования возможностей адаптации данного опыта исходя из запросов сегодняшнего дня. Участники конференции оценили перспективы применения опыта противостояния в годы Великой Отечественной войны в условиях войны XXI века. Особое внимание было уделено вопросам исторической памяти: отмечена разность восприятия уроков и итогов Второй мировой войны, которую демонстрируют сегодня противоборствующие стороны конфликта. Исследователи почтили память героев Великой Отечественной войны: солдат и офицеров, военных врачей, научных-инженеров, физиков и энергетиков. Проведение конференции способствовало углублению и детализации научного знания в области изучения современной гибридной войны и постконфликтного урегулирования. Особенно ценна ориентированная на практику составляющая конференции: своими исследованиями участники доказали, что опыт прошлого применим в современных условиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Вторая мировая война; Великая Отечественная война; историческая память; гибридные войны; оборонно-промышленный комплекс, война памяти

Для связи с автором: sofibelom@yandex.ru

Review of the Scientific-Practical Conference of the Academy of Military Science and MGIMO University «To the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War: Victory over Fascism in the Context of Modern Challenges to Russia»

Sofiya A. Belomittseva

MGIMO University,

School of International Journalism, 4th Year

ABSTRACT

The scientific-practical conference «To the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War: Victory over Fascism in the Context of Modern Challenges to Russia,» organized by the Academy of Military Science and MGIMO University, was held as part of the international forum «International Business Trends: Challenges or New Opportunities?» (IBT-2025), hosted by the Faculty of International Business. The event was a continuation of the military-scientific conference «80 Years of the Great Victory. For a World Without Nazism,» held by the Research Institute of Military History of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation and the Academy of Military Science.

In the year of the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War, Russia is facing new challenges: a hybrid war is being waged against our country, in which Russia's opponents are using all means, from information-psychological influence and sanctions pressure to the support of a «hot war.» In this context, the scientific field has seen the emergence of a need for a thorough study of the experience already accumulated by Russia during the Great Patriotic War in conducting combat operations, developing the military industry and military technology, diplomatic settlement and ideological counteraction to destructive

hostile propaganda, as well as researching the possibilities of adapting this experience based on the demands of the present day.

Conference participants assessed the prospects for applying the experience of confrontation during the Great Patriotic War in the conditions of 21st-century warfare. Particular attention was paid to issues of historical memory: it was noted that the conflicting parties in the current conflict demonstrate differing perceptions of the lessons and outcomes of the Second World War. Researchers paid tribute to the memory of the heroes of the Great Patriotic War: soldiers and officers, military doctors, scientist-engineers, physicists, and power engineers.

The conference contributed to the deepening and detailing of scientific knowledge in the study of modern hybrid warfare and post-conflict settlement. The practice-oriented component of the conference was especially valuable: through their research, the participants demonstrated that the experience of the past is applicable in modern conditions, albeit with adjustments for objective changes in the world order and the entire way of life caused by the scientific and technological revolution, shifts in thinking paradigms, and the key political actors who now wage and sponsor wars and conflicts.

KEY WORDS

World War II; Great Patriotic War; historical memory; hybrid wars; mental wars.

ВВЕДЕНИЕ

Научно-практическая конференция Академии военных наук Российской Федерации и МГИМО МИД России «К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне: Победа над фашизмом в контексте современных вызовов России» состоялась в рамках форума «Международные бизнес-тренды: вызовы или новые возможности?» и явилась продолжением конференции научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации и Академии военных наук «80 лет Великой Победе. За мир без нацизма». В ходе выступлений были затронуты разнообразные аспекты национальной безопасности России в условиях современной гибридной войны и применения военно-технического и оперативно-стратегического опыта, полученного в ходе Великой Отечественной войны. В качестве модератора выступил заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор военных наук, профессор, первый вице-президент Академии военных наук Н.И. Турко. В качестве экспертов свои исследования представили доктор исторических наук, профессор Военного университета МО РФ, заместитель руководителя отделения военной истории Академии военных наук Ю.В. Рубцов, доктор политических наук, профессор, декан факультета управления и политики МГИМО, руководитель отделения проблем формирования пространства международного сотрудничества АВН, член Президиума АВН Г.Т. Сардaryan, доктор военных наук, начальник НИЦ (г. Тверь) ЦНИИ ВКС Минобороны России, член-корреспондент АВН А.В. Беломытцев, кандидат исторических наук, доцент, начальник ка-

федры истории войн и военного искусства ВУНЦ ВВС «ВВА» г. Воронеж Н.Е. Чугров, кандидат военных наук, адмирал, экс-начальник Главного штаба ВМФ-первый заместитель Главнокомандующего ВМФ, руководитель морского отделения АВН А.В. Витко, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Мировая электроэнергетика» МГИМО, руководитель отделения инфраструктурного развития АВН Н.Н. Швец, доктор экономических наук, профессор, заведующий базовой кафедрой менеджмента в сфере систем вооружений РТУ-МИРЭА, действительный член АВН С.И. Боков, кандидат экономических наук, доцент базовой кафедры менеджмента в сфере систем вооружений РТУ-МИРЭА, действительный член АВН У.А. Пестун, доктор экономических наук, профессор, научный сотрудник кафедры «Менеджмент в сфере ВТС и высоких технологий» МГИМО, действительный член АВН А.И. Кривцов, доктор медицинских наук, начальник кафедры организации и тактики медицинской службы Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова А.А. Жуков, доктор политических наук, доктор философских наук, профессор, руководитель отделения национальной безопасности АВН С.А. Модестов, заслуженный деятель науки РФ, доктор военных наук, профессор, первый вице-президент АВН Н.И. Турко, кандидат технических наук, СНС, руководитель направления Центра проблем стратегических ядерных сил АВН, член-корреспондент АВН Ю.А. Матвиенко, кандидат социологических наук, директор Института социальной памяти АВН, член Союза журналистов РФ, член Союза писателей РФ, член Президиума АВН А.Е.Ужанов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Тон дискуссии задал Ю.В. Рубцов, представив доклад «Денацификация Германии. Исторический опыт и уроки». В исследовании были представлены первые результаты научно-исследовательской работы Военного университета МО РФ. С февраля 2022 г. В.В. Путин определил в качестве одной из важнейших целей СВО денацификацию Украины. Исследователю представляется, что достижение этой цели будет приближено при условии использования богатого практического опыта, накопленного органами государственной власти и военного управления на территории советской зоны оккупации Германии по итогам Второй мировой войны. Автор акцентирует внимание на то, что законы, приказы и директивы Союзного контрольного совета (далее — СКС), состоящего из СССР, США, Великобритании и Франции, были обязательны для исполнения всеми военными администрациями в оккупационных зонах. Законы СКС: закон №1 «Об отмене нацистских законов», закон №2 «Прекращение и ликвидация нацистской организаций», законы о демилитаризации Германии и «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности» опирались на решения Потсдамской конференции, предусматривающие предание суду и наказание военных преступников, национал-социалистов, удаление их с общественных должностей. Автор исследования подчеркивает детализированный и практико-применимый характер законов: руководящему составу НСДАП, ГЕСТАПО, жандармерии, охранных отрядов, тюрем и других государственных учреждений было приказано явиться в военные комендатуры для регистрации. В течение 72 часов с опубликования приказа реги-

страции подлежали все военнослужащие немецкой армии. Неявившиеся в течение установленного срока и виновные в укрывательстве привлекались к ответственности по законам военного времени. Так, в порядке денацификации уже к 31 декабря 1945 г. из бывших административных органов гитлеровской Германии было уволено порядка 10 тыс. человек. 17 тыс. представителей руководства нацистской партии были осуждены на разные сроки тюремного заключения. Новые органы комплектовались за счет людей, не принадлежавших НСДАП.

Денацификация предусматривала также активную агитационную и пропагандистскую работу среди населения, ранее мирившегося с гитлеровским режимом: требовалось объяснить населению, что его нынешнее положение являлось прямым следствием «гитлеровской разбойничьей политики». С немецкого народа не снималась ответственность за деяния Германии во время Второй мировой войны, условием возвращения к мирной жизни являлся полный разрыв с фашистской и нацистской идеологией. Для борьбы с реваншизмом из всех частных и публичных библиотек изымались книги, в свое время заложившие идеологическую основу гитлеровского режима.

Ю.В. Рубцов приходит к выводу, что по итогам СВО российской стороне пригодится опыт проведения денацификации в Германии: предстоит провести большую работу по «перевоспитанию» населения, по изъятию из общего пользования враждебных пропагандистских материалов, судебному преследованию и наказанию виновных в развязывании войны, активных сторонников и сподвижников существующего на Украине режима.

С.В. Буг в исследовании «Боевая мощь ракетных войск и артиллерии,

приумноженная «Искандерами» в СВО» обратился к иному, уже не правовому, а военно-технологическому аспекту. Значение артиллерии сегодня трудно недооценить: недостаток артиллерии приведет к ослаблению огневой поддержки общевойсковых сил. К концу Великой Отечественной войны особо востребованным стало недорогое в производстве и легкое в освоении оружие. Эти требования особенно актуальны сегодня, когда на поле боя широко используются БПЛА.

Конечно, необходимо не допустить перекоса: артиллерия должна усиливать, но не заменять собой «традиционные средства борьбы», несмотря на тенденцию роста удельного веса артиллерии при уменьшении удельного веса личного состава. Однако недостаток артиллерии, по мнению исследователя, ощущается куда острее, чем его избыток. С.В. Буг обращает внимание на то, что в начале СВО российская армия столкнулась с ограничениями возможностей усиления группировок войск и необходимостью переброски артиллерийских и ракетных частей с других направлений. Согласно исследователю, такие ситуации могут возникнуть из-за предубеждения в том, что «время артиллерии прошло». Автор исследования это предубеждение оспаривает. Сегодня стороны конфликта полагаются на дроны, но необходимо помнить, что мощная система противовоздушной обороны, а также погодные условия значительно ограничивают их возможности. При наличии системы радиоэлектронного подавления, тумана или осадков беспилотные средства резко теряют свою эффективность либо не применяются вовсе. Артиллерия же сегодня выполняет задачи в любых условиях боя. С.В. Буг приходит к выводу, что основные принципы ведения войны

не изменились, естественно стремление достичь победы с минимальными потерями. В сражениях Великой Отечественной войны был накоплен огромный опыт боевого применения артиллерии как основного средства огневого поражения противника, и этот опыт может быть использован сегодня.

Одним из приоритетных направлений сегодня является противовоздушная оборона. Этот аспект был детально рассмотрен в докладе доктора военных наук, начальника НИЦ (г. Тверь) ЦНИИ ВКС, члена-корреспондента АВН А.В. Беломытцева «Противовоздушная оборона войск и объектов во времена ВОВ и в ходе СВО». В начале выступления А.В. Беломытцев напомнил, что в прошлом году мы отмечали юбилей отечественной противовоздушной обороны — 110 лет со дня ее основания. Эффективность созданной системы обороны была весьма высока. За годы Первой мировой войны ни один аэроплан противника не проник в воздушное пространство Петрограда. В межвоенный период шло дальнейшее развитие авиации и средств ПВО. Для создания эшелонированной системы ПВО важнейших объектов страны в 1938 г. в Москве, Ленинграде и Баку были сформированы корпуса ПВО, а в Киеве — дивизия ПВО. Однако созданная к началу Великой Отечественной войны система противовоздушной обороны была непригодна для военного времени, т.к. не была построена на принципах прямого подчинения войск и сил и единого управления ими. Уже в первые дни войны немецкая авиация захватила полное господство в воздухе, действия ВВС Германии имели явно выраженный характер стратегической воздушной операции в рамках плана «молниеносной войны».

Причины неудач советской авиации в первые дни войны скрывались в несоответствии существующей системы управления с задачами, стоящими перед силами авиации и ПВО. Однако уже 9 июля 1941 года Государственный комитет обороны принимает постановление о противовоздушной обороне Москвы, а 22 июля — о противовоздушной обороне города Ленинград. Результатом совместной работы Генерального штаба и Главного управления ПВО стало лично скорректированное Сталиным постановление Государственного комитета обороны 9 ноября 1941 года об усилении и укреплении противовоздушной обороны территории Советского Союза, определившее принципиально новую организацию ПВО территории страны. Существующие зоны ПВО на европейской части страны были расформированы, и образовывались дивизионные районы ПВО с централизованным управлением.

22 июля 1941 года был совершен первый массированный налёт немецкой авиации на Москву. К городу прорвалось лишь несколько самолетов. Немецкая авиация в ходе ударов по Москве понесла колоссальные потери. Было уничтожено почти полторы тысячи самолетов. Противовоздушная оборона Москвы вошла в историю мировых войн как образец блестящей проведенной противовоздушной операции по защите крупнейшего столичного города от массированных налетов авиации противника. В основу обороны Москвы был заложен принцип создания круговой, эшелонированной в глубину обороны с усилением западного и южного направлений. Опыт Великой Отечественной войны показал, что противовоздушная оборона страны должна быть организована задолго до начала боевых

действий под единым централизованным управлением.

В послевоенный период создание в США стратегической бомбардировочной авиации создало реальную угрозу массированных ударов противника по объектам на территории страны. Это потребовало увеличения численности войск ПВО и создания в 1948 году нового вида вооруженных сил — войск противовоздушной обороны страны. Новые зенитно-ракетные средства и средства РТВ получили боевое крещение в ходе военных конфликтов в Корее, Вьетнаме, на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке. Опыт, приобретенный там, показал, что силы ПВО играют важнейшую роль в вооруженной борьбе. В настоящее время войска ПВО-ПРО в качестве рода войск входят в состав созданного в 2015 году вида Вооруженных Сил — Воздушно-космических сил. Проводимая ВС Российской Федерации Специальная военная операция еще раз продемонстрировала необходимость надежной системы противовоздушной обороны войск и объектов как в зоне конфликта, так и в глубине территории страны, особенно с учетом того, что в структуре огневого поражения резко возросла роль тактических и оперативно-тактических ракет, реактивных систем, крылатых ракет, ударных беспилотных летательных аппаратов, которые стали основными типами целей для российской противовоздушной обороны. Особенностью организации ПВО в ходе СВО являются созданные группировки противовоздушной и нестратегической противоракетной обороны.

Особое внимание в ходе СВО уделяется прикрытию важнейших объектов инфраструктуры от ударов с воздуха.

Высокая эффективность отражения ударов средств воздушного нападения противника достигается за счет постоянной боевой готовности личного состава и средств ПВО, умелого их применения в различных условиях обстановки.

Доклад «Воздушная мощь Родины в ходе Великой Отечественной войны и Специальной военной операции» представил кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры истории войны и военного искусства ВУНЦ ВВС «ВВА» г. Воронеж Н.Е. Чугров. Разработанные перед войной основные положения советской военной науки о роли и значении авиации в боевых действиях в 1941-1945 гг. подверглись суворой проверке. Решительность противоборствующих сторон определила напряженный, бескомпромиссный характер борьбы за господство в воздухе, развернувшееся от Баренцева моря до Черного.

Советские летчики, несмотря на трудную обстановку, смело действовали на всех направлениях с самого начала войны, что признавал и противник. Советская авиация решала три основные задачи: завоевание стратегического господства в воздухе, авиационная поддержка и прикрытие Сухопутных войск и сил Флота, а также ведение воздушной разведки. По мере увеличения ударной мощи советских Военно-воздушных сил на отдельных стратегических направлениях наносились массированные удары силами авиации смежных фронтов, соединениями авиации дальнего действия, противовоздушной обороны страны. Данные действия проводились в форме воздушных операций. Важными этапами борьбы за стратегическое господство в воздухе явились активные действия авиации в ходе битвы под Москвой и оборонительных сражений под Сталинградом. Борьба в воздухе

велаась в трудных условиях при качественно и количественно превосходстве сил противника.

Однако история имеет свойство повторяться: побежденный 80 лет назад нацизм переродился в неонацизм на Украине. Сегодня российская авиация также сталкивается с серьезными вызовами. Господство российской авиации в небе над Украиной было захвачено 28 февраля 2022 года. Однако последующие поставки западных систем ПВО, радиотехнического вооружения позволили ВСУ улучшить свое положение. Активные действия космической и воздушной разведки США и стран НАТО внесли дополнительные сложности в боевую работу авиации Российской Федерации. Широкое применение беспилотников изменило облик современной войны. Прежде всего, исчезла возможность резко сосредоточить силы или застать противника врасплох. Постоянное присутствие дронов в воздухе сделало поле боя прозрачным. Командиры вынуждены принимать во внимание, что за любым перемещением войск сил может наблюдать вражеский БПЛА. Это приводит к актуализации тактической, оперативной маскировки и рассредоточения. Однако выявленные приемы противника быстро принимаются во внимание и внедряются в наши тактические схемы. Дроны перестали быть чем-то экзотическим, превратились в штатные и такие же необходимые средства, как связь или артиллерия. Таким образом, в Специальной военной операции авиация решает поставленные задачи, исходя из сложившейся обстановки. Российские ВВС и Сухопутные войска, опираясь на беспилотную авиацию, сумели повысить эффективность разведки и огневого поражения, минимизировав собственные потери.

Доклад «Тенденции развития Военно-Морского Флота России» представил кандидат военных наук, адмирал, экс-начальник Главного штаба Военно-Морского Флота-первый заместитель Главнокомандующего ВМФ, руководитель морского отделения АВН А.В. Витко. В начале выступления А.В. Витко поставил вопрос: зачем сухопутной России флот, кажущийся «дорогостоящим и бесполезным», особенно во время СВО? Ответом послужит пример из истории: в 1800 г. адмирал Ушаков фактически завоевал все Средиземноморье. Французы не могли противостоять его кораблям. Вопрос, началась бы война 1812 г., если бы наши корабли были у берегов Франции, кажется риторическим.

Согласно автору исследования, роль флота упреждающая: любое противоборство с морскими державами начинается с моря. Пример, более приближенный к современности: во время сирийского конфликта нами было завоевано господство в восточной части Средиземного моря, и это позволило предотвратить ракетный удар из акватории Средиземного моря по Сирии. Исторический опыт боевого применения Военно-Морского Флота Россией полезен и сейчас, в XXI веке. При этом необходимо делать поправку на то, что научная мысль не стоит на месте: речь идет не столько о появлении новых технологий, сколько о смене парадигм.

Однако доклад А.В. Витко был посвящен не только истории успехов российского Флота, но и изменению парадигм военной науки в области подходов к проектированию и боевому применению военно-морских сил. Автором были затронуты философские вопросы: сейчас трудно поспорить с тем, что в любой науке периодически происходит смена парадигм,

однако при этом многие положения великих ученых, будь то Ньютона или Эйнштейна, принимаются за аксиому. Мы верим, как верим в Бога, что они не могли допустить ошибку, подлинная же наука начинается там, где переосмыслению подвергаются давно принятые за «истину» утверждения. Это касается и военной науки, инженерной, технической, стратегической мысли. А.В. Витко заканчивает свой доклад мыслью, что победить в войне и предотвратить новые конфликты людям поможет отказ от старых шаблонов мышления.

Слово было передано доктору экономических наук, профессору, заведующему кафедры «Мировая электроэнергетика» МГИМО, руководителю отделения инфраструктурного развития АВН Н.Н. Швецу, который представил доклад «О вкладе энергетиков в Великую Победу. Опыт прошлых и современных войн». С первых лет существования советской власти была создана достаточно мощная энергетическая структура, которая в продолжении с 1924 по 1939 год обеспечила возможности производства вооружения, военной техники, а также подготовки территории страны к войне. Уже в 1941 г. Россия вышла на третье место в мире по производству электроэнергии. Важнейшим шагом было решение в начале Великой Отечественной войны создать Совет по эвакуации, с помощью которого, в соответствии с уже существующими планами, удалось реализовать достаточно серьезную передислокацию энергетических объектов. В годы Великой Отечественной войны оперативно разрабатывались и строились новые объекты. Один из них — «кабель жизни», проложенный по дну Ладожского озера, который обеспечивал блокадный Ленинград электричеством.

Любопытный момент: для производства кабеля на заводе «Севкабель» использовалась бумага, предназначенная для печати денег на предприятии Гознака. Другое важное направление оперативного наращивания производства электроэнергии – проектирование и создание электропоездов.

Электроэнергетикам во многом обязана успешная оборона Москвы. Так, в октябре 1941 года было построено электрозаграждение общей протяженностью свыше 500 км, которое охватывало Москву большим кольцом с севера на юг. В деревне Нefедьево Московской области сейчас сохраняется мемориал, посвященный подвигу советских инженеров и рабочих, создавших электрозаграждение. Рядом с мемориалом находится храм Георгия Победоносца. Вклад энергетиков в защиту нашей Родины — подлинный подвиг, который мы не забудем.

О значении оборонно-промышленного комплекса для приближения победы в войне сегодняшнего дня рассказал доктор экономических наук, профессор, заведующий базовой кафедрой менеджмента в сфере систем вооружений РТУ МИРЭА, действительный член АВН С.И. Боков («ОПК России – ядро системы военно-экономического обеспечения национальной безопасности»). В начале выступления С.И. Боков обратил внимание слушателей на то, что сейчас против России ведется «горячая» война — гибридная по своей сути, и события на Украине — один из ее элементов. В России есть три документа, которые определяют программу наших действий в условиях новых вызовов: Государственная программа вооружения, Государственный оборонный заказ и Государственная программа развития оборонно-промышленно-

го комплекса. В своем выступлении С.И.Боков особое внимание уделил «народному ОПК» — малым и средним предприятиям, которые занимаются разработками в сфере обороны. Сегодня эти разработки активно внедряются и применяются. На форуме «Армия-2024» было представлено около 100 малых предприятий и 300 образцов военной техники, из которых 65 были приняты на вооружение. О значении народного ОПК символично свидетельствует то, что первый танк «Абрамс», как сообщает С.И. Боков, был уничтожен техникой народного ОПК. Роль ОПК отмечает и Президент России, Верховный Главнокомандующий ВС РФ В.В. Путин. С.И. Боковым также была затронута проблема высшего и профессионального образования: стране нужно больше специалистов в области ОПК, которые могли бы ответить на вопросы не только о том, как быстро произвести оружие, но и сколько оно будет стоить.

Тему оборонных расходов раскрыли в своем исследовании «Оборонные расходы как драйвер экономического развития и обеспечения технологического суверенитета» кандидат экономических наук, доцент базовой кафедры менеджмента в сфере систем вооружений РТУ-МИРЭА У.А. Пестун и доктор экономических наук, профессор, научный сотрудник кафедры «Менеджмент в сфере ВТС и высоких технологий» МГИМО, действительный член АВН А.И. Кривцов. Заставляет задуматься представленная в начале выступления статистика: число государств, вовлеченных в вооруженные конфликты в последние годы сокращается, но при этом оценочное число погибших в результате конфликтов по всему миру ежегодно возрастает и составляет примерно 10% (20 тыс. чел.).

За прошедшие 5 лет можно выделить два конфликта, которые относятся к категории крупных, т.к. в них погибло более 10 тысяч человек: это конфликт между Израилем и ХАМАС и конфликт между Россией и Украиной. При этом в тот или иной конфликт вовлечено гораздо больше государств, чем заявляется официально. Авторы особо отметили, в 2024 году 80% мировых и военных расходов приходилось всего на 15 стран. Уже более 10 лет безоговорочными и бессменными лидерами по оценкам индекса военной мощи являются США, Россия, Китай и Индия.

Авторы исследования приходят к выводу, что увеличение военных расходов не всегда обусловлено подготовкой к военным конфликтам или участием в них, это может быть элементом экономической политики, направленной на обеспечение экономического роста. При этом военные расходы могут рассматриваться и как обременение, и как драйвер экономического развития.

К теме героизма во время войны обратился доктор медицинских наук, начальник кафедры организации и тактики медицинской службы Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова А.А. Жуков. Им был представлен доклад «Подвиги врачей во время Великой Отечественной войны и СВО». Автор исследования предлагает трактовать понятие «врач» в широком смысле слова, ведь во время войны основополагающую роль в спасении раненых и бойных играл младший и средний медицинский персонал — санитары, медицинские инструкторы. Примечательно, что доля женщин среди всех медицинских работников составляла практически половину — 46%. При этом труд санитаров был связан с не меньшими рисками, чем бремя солдат. Вопреки

международным конвенциям, знак красного креста часто превращался в удобную мишень. По статистике, большинство санитаров погибали во втором или третьем бою. Сегодня технологии позволяют улучшить условия работы медицинского персонала во время боя. Однако риски для жизни столь же высоки. Известен подвиг медицинской сестры, ефрейтора Людмилы Болилой, на СВО: она закрыла своим телом раненого от осколков. Бойца удалось спасти, выжила и Людмила Болилая, которая впоследствии стала первой женщиной, получившей звание Героя России за подвиг на СВО.

Надеясь на скорое прекращение войны, Россия не может не задумываться о вызовах постконфликтного урегулирования. Этот аспект исследовал доктор политических наук, доктор философских наук, профессор, руководитель отделения национальной безопасности АВН С.А. Модестов в докладе «Исторический опыт и современные проблемы постконфликтного урегулирования». С.А. Модестов предлагает разделить урегулирование на несколько направлений. Первое: в отношении территорий, вышедших из состава Украины и присоединившихся к России и в отношении территорий, которые останутся частью Украины после ее капитуляции. Работы предстоит немало: реабилитация нашего населения, наших солдат, вернувшихся с войны, их возвращение к мирной жизни, восстановление экономики страны. При этом Россия вправе и даже обязана требовать от Украины и спонсирующих ее государств компенсации за причиненный ей ущерб. С.А. Модестов отмечает, что особенно важно, чтобы все основатели и защитники киевского режима, виновные в гонениях на православных и русскоязычных жителей, были наказаны по закону на международном

трибунале, равном по значению Нюрнбергскому и Токийскому. Широкой должна быть идеологическая работа по ликвидации последствий много-летнего воздействия неонацистской пропаганды: изъятие из продажи и открытого доступа экстремистских художественных произведений, работа по восстановлению исторической справедливости, прежде всего, работа с молодым поколением, которое сейчас особенно подвержено деструктивной неонацистской пропаганде.

Принципиально важно правовое закрепление статуса Украины как государства, не входящего ни в НАТО, ни в Европейский союз.

Кандидат технических наук, СНС, руководитель направления Центра проблем стратегических ядерных сил АВН, член-корреспондент АВН Ю.А. Матвиенко представил доклад «Деструктивное информационно-психологическое воздействие на население России как ментальная угроза безопасности страны. Формы и способы противодействия». Свое выступление Ю.А. Матвиенко адресовал преимущественно начинающим, молодым исследователям. По мнению докладчика, психологическое воздействие сейчас не менее важно, чем военное. Украина — пример того, как за одно поколение удалось превратить страну из союзника и традиционного партнера России в анти-Россию. Восприятие исторических событий формирует картину мира целого поколения. Запад сделал все, чтобы во всем мире помнили Пражскую весну, но забыли преступление США в деревне Сонгми во Вьетнаме. В эпоху постправды появляется масса фейков, которые, даже получив опровержение, остаются в памяти и проникают в подсознание людей: это могут быть поддельные, постановочные фотографии, ложная статистика, исторические фейки и т.п.

Важна риторика: на Западе особый акцент делают на том, что Советский Союз вошел на территорию Польши одновременно с Гитлером, что заставляет воспринимать СССР как такого же агрессора. Статистика красноречива: если в 50-е гг. мало кто сомневался, что Германию победил Советский Союз, то сегодня 50% верит в то, что победили США, а 11% все верят, что СССР после Второй мировой войны насильственно насадил в странах Восточной Европы коммунистический режим, 12% затрудняются ответить. Ю.А. Матвиенко цитирует Маяковского: сегодня перо действительно приравняли к штыку.

В завершение дискуссии кандидат социологических наук, директор Института социальной памяти АВН, член Союза журналистов РФ, член Союза писателей РФ, член Президиума АВН А.Е. Ужанов представил собственную концепцию сохранения исторической памяти и военного и культурного наследия в докладе «Родина подвига — Родине героя» как международный общественный дискурс во имя сбережения памяти об освободительной миссии СССР в годы Второй мировой войны». Суть концепции заключается в том, что существует Родина героя — страна, где родился, вырос, был воспитан герой, и Родина подвига — место, где подвиг был совершен, во многих случаях это место гибели героя. А.Е.Ужанов делает акцент на моральном долге Родины подвига перед Родиной героя. Родина подвига должна хранить память о том человеке, который совершил в том числе ради этой земли беспримерный поступок, проявил героизм. Сегодня же наблюдается обратная ситуация: во многих странах Восточной Европы уничтожаются и оскверняются памятники с овевшим солдатам, хотя должны сохраняться и местное население обязано относить-

ся к ним с уважением.

Институт социальной памяти АВН сегодня борется с этой практикой: задача, которую ставит перед собой А.Е. Ужанов, — сделать так, чтобы ни один снос памятника не остался незамеченным. Виновные в этом деянии должны быть наказаны, будь это местные органы власти или экстремисты-неонацисты, а памятник должен быть восстановлен. Миссия собирает неравнодушных людей из разных стран (как из Родины героя, так и из Родины подвига), которые своими силами восстанавливают утраченные памятники советским солдатам, героям-освободителям.

Исследователь приводит примеры проведенных акций, которые успешно завершились восстановлением памятников и призванием к ответственности виновных.

По окончании дискуссии модератор конференции заслуженный деятель науки РФ, доктор военных наук, профессор, первый вице-президент

Академии военных наук Н.И. Турко подвел итоги встречи. Каждое представленное исследование содержало ответы на поставленные вопросы и было ценным с точки зрения теории и практики. Великая Отечественная война нанесла колоссальный ущерб Советскому Союзу, однако наша страна вынесла из этого кровопролитного исторического события ценный опыт: тактический и стратегический, технический и инженерный. Советский Союз пошел по пути усложнения военных технологий и боевой техники, наращивания экономического потенциала. Что особенно важно, Победа в Великой Отечественной войне закрепила на долгие годы за СССР и Россией, как его правопреемницей, и другими союзными республиками статус страны-победительницы нацизма. Опыт борьбы с нацизмом в 1941-1945 гг. поможет нашей стране победить неонацизм сегодня и защищить историческую правду.

Роль советской дипломатии в сохранении канала связи между Москвой и Лондоном на начальном этапе Второй мировой войны. 1939-1941 гг.

Карасёва Анастасия Вадимовна

МГИМО МИД России,

Факультет международных отношений, 3 курс

19454 Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

РЕЗЮМЕ

В историографии начального этапа Второй мировой войны советско-британские отношения 1939-1941 гг. часто рассматриваются сквозь призму идеологического противостояния и геополитического соперничества. Однако в данной статье автор предлагает переосмыслить значимость советской дипломатии в поддержании канала связи между Москвой и Лондоном в условиях высокой степени

напряженности между двумя странами. Анализ архивных материалов позволяет выявить ранее недооцененные аспекты деятельности советских дипломатических кругов, направленной на сохранение возможности для будущего сотрудничества, несмотря на тактические расхождения и стратегические противоречия, что, в конечном счете, способствовало формированию антигитлеровской коалиции и победе над фашизмом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Вторая мировая война, советско-британские отношения, СССР, Великобритания, 1939-1941 гг, И.М. Майский, антигитлеровская коалиция

The role of Soviet diplomacy in maintaining the communication channel between Moscow and London at the beginning of the Second World War. 1939-1941.

Anastasiya V. Karaseva

MGIMO University

School of International Relations, 3rd Year

ABSTRACT

In the historiography of the initial stage of the Second World War, the Soviet-British relations of 1939-1941 are often viewed through the prism of ideological confrontation and geopolitical rivalry. However, in this article, the author suggests rethinking the importance of Soviet diplomacy in maintaining a communication channel between Moscow and London in conditions of

high tension between the two countries. The analysis of archival materials makes it possible to identify previously underestimated aspects of the activities of Soviet diplomatic circles aimed at preserving the possibility for future cooperation, despite tactical differences and strategic contradictions, which ultimately contributed to the formation of the Anti-Hitler Coalition and the victory over fascism.

KEY WORDS

World War II, Soviet-British relations, USSR, Great Britain, 1939-1941, I.M. Maisky, the Anti-Hitler Coalition

ВВЕДЕНИЕ

Вторая мировая война является одним из самых значимых и трагических событий в истории человечества. Понимание причин её возникновения, хода и последствий имеет огромное значение для осмыслиения современного миропорядка и предотвращения новых глобальных конфликтов. В этой связи анализ советско-британских отношений на начальном этапе Второй мировой войны, а именно в период с 1939 по 1941 гг., представляет собой важную и актуальную задачу. Именно в этот период закладывались основы будущей антигитлеровской коалиции и именно тогда принимались решения, во многом определившие дальнейший ход событий.

Задача исследования заключается в том, чтобы определить и проанализировать роль советской дипломатии в поддержании контактов с Великобританией в период вынужденных корректировок внешнеполитического курса СССР. При этом учтена высокая степень напряженности между двумя странами в условиях, когда советская дипломатия столкнулась с непростой задачей – сохранить хотя бы минимальный канал связи с Великобританией несмотря на взаимное недоверие и подозрения.

Объектом работы являются советско-британские дипломатические отношения в период с 1939 по 1941 гг. Вместе с тем непосредственным предметом анализа выступает основной вектор в деятельности советской дипломатии, направленной на сохранение каналов коммуникации с Лондоном в условиях резко меняющейся геополитической обстановки.

Источниковая база исследования включает в себя широкий круг документов, хранящихся в российских и зарубежных архивах. Особую ценность представляют документы из Архива внешней политики Советского Союза (АВП СССР). Речь идет о переписке между Советским правительством

и диппредставительством в Лондоне, отчеты послов и советников обеих стран, а также материалы, отражающие позицию советского руководства по ключевым вопросам внешней политики. Не менее важными являются материалы, отражающие позицию британского руководства по отношению к СССР, в частности, мемуары Уинстона Черчилля и других участников событий, материалы прессы и иные источники, позволяющие получить более полное представление о советско-британских отношениях в рассматриваемый период.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Как известно, к концу 1930-х годов Европа оказалась в состоянии нарастающей военно-политической напряженности, вызванной агрессивной политикой нацистской Германии. Перед европейскими державами всталась задача создания системы коллективной безопасности, способной остановить экспансию Третьего рейха.

Советский Союз, обеспокоенный ростом германской угрозы, активно выступал за создание такой системы, предлагая заключить пакты о взаимопомощи с Францией и Великобританией. В 1935 г. подобный пакт был заключен между Советским Союзом и Францией. Однако его практическая реализация оказалась затруднена, так как французская сторона отказалась подписать военную конвенцию, а потому договор так и не вступил в силу в полной мере. В то же время, западные державы нередко придерживались политики «умиротворения» агрессора, кульминацией которой стало заключение в сентябре 1938 г. Мюнхенского соглашения, после чего попытки создания системы коллективной безопасности были обречены на провал.

Только затем, в 1939 году, когда стало очевидно, что политика «умиротворения» потерпела крах, Великобритания и Франция предприняли

попытки заключить некое подобие союзнических договоренностей с СССР. Советско-британско-французские переговоры, проходившие в Москве весной и летом 1939 года, были, казалось бы, призваны предотвратить дальнейшую германскую экспансию. Тем не менее переговоры зашли в тупик из-за ряда принципиальных разногласий (причиной тому послужили взаимное недоверие, отказ со стороны Польши и Румынии пропустить советские войска через свою территорию в случае необходимости, а также ведение Великобританией параллельных переговоров с Германией).

В условиях провала переговоров с Великобританией и Францией, СССР был вынужден искать альтернативные пути обеспечения своей безопасности. 23 августа 1939 года, по итогам форсированных Берлином переговоров, был заключен советско-германский пакт о ненападении.

Безусловно, этот документ оказал существенное влияние на советско-британские отношения. В Великобритании усилилось недоверие к СССР и страх перед потенциальным военным альянсом между СССР и Германией, а перспективы сотрудничества между двумя странами стали еще более туманными. Пакт, как утверждалось в Лондоне, развязал руки Гитлеру и позволил ему начать Вторую мировую войну путем нападения на Польшу 1 сентября 1939 года. Вступление Великобритании и Франции в войну против Германии не привело к сближению с СССР, поскольку советское руководство продолжало придерживаться нейтралитета и соблюдать условия пакта о ненападении.

ПЕРВЫЙ ЭТАП ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939-1941 гг.): ПРОТИВОРЕЧИЯ В СОВЕТСКО-БРИТАНСКИХ

ОТНОШЕНИЯ

Несмотря на ухудшение отношений с Великобританией после заключения пакта о ненападении от 23 августа 1939 года, советская дипломатия продолжала поддерживать определенные контакты с британским правительством, понимая их необходимость при любом развитии событий. Отношение СССР к Англии определялось задачей укрепления собственной безопасности и ограничения сферы фашистской агрессии при сохранении нейтралитета Советского Союза в войне.

Как уже отмечалось выше, начало Второй мировой войны 1 сентября 1939 г. само по себе не привело, да и не могло привести Москву к активизации советско-британского диалога. Но зато трагические события 1940 г., особенно захват агрессором Бельгии, Нидерландов, Дании, Норвегии и победа вермахта над Францией, как и вторжение фашистской Италии в Албанию и Грецию, побудили на сей раз саму же английскую сторону изменить содержание своих прогнозов хода войны, особенно на востоке континента, — как бы по-новому взглянуть на стратегическую роль СССР.

Следует, однако, признать, что в первые месяцы Второй мировой войны Лондону, хотя и сосредоточенному на всемерном отпоре Третьему рейху, нелегко было переформатировать тот самодовлеющий пласт антисоветизма, который сами же британские консерваторы наращивали годами.

«Чувство негодования против Советского правительства, вызванное в то время пактом Риббентропа-Молотова, ныне, под влиянием грубого запугивания и агрессии (на Карельском перешейке — Авт.) разгорелось ярким пламенем, — оправдывал субъективизм Уайтхолла в своих мемуарах Уинстон Черчилль. — К этому примешивалось презрение по поводу неспособности советских войск и востор-

женное отношение к доблестным финнам»^[1]. Но вскоре после победы в Зимней войне и сдвига балтийских рубежей СССР на северо-запад, англичанам пришлось задуматься: сколь бы презрительно ни именовали Россию на Темзе «колоссом на глиняных ногах»^[2], но в Европе не остается ни одной державы, способной уравновесить своим курсом экспансию Гитлера, кроме СССР. На Темзе пришли к нежелательному, но вынужденному выводу: оба посольства (как британское в Москве, так и советское в Лондоне) призваны сыграть гораздо более ощутимую роль хотя бы в частичном сближении, двустороннем информировании и взаимопонимании со Сталиным.

Действительно, перед лицом потери союзников в Европе и непосредственной угрозы нацистского вторжения через Ла-Манш Лондон был вынужден взглянуть на Советский Союз по-новому — если пока еще не как на союзника, то, во всяком случае, как на потенциального партнера в жестоком поединке с Третьим рейхом. Именно в этот период советско-британские отношения начали, наконец, сдвигаться с мертвоточки.

Правда, чуть раньше, еще при правительстве Н. Чемберлена, 18 марта 1940 г., то есть до нападения Гитлера на Францию и Бенилюкс, британские власти, испытывающие растущие трудности с обеспечением необходимыми ресурсами в связи с нахождением в состоянии войны с Германией, предложили СССР возобновить прерванные в октябре 1939 г. торговые переговоры. Предложение было при-

нято, однако в лондонском меморандуме от 4 апреля 1940 г. выдвигались неприемлемые требования создать на территории СССР контрольные английские посты для наблюдения за советским экспортом в другие страны. В то же время предложения Советской стороны о развитии торговли на основе взаимной выгоды Лондоном приняты не были^[3]. Именно поэтому в сообщении ТАСС от 22 мая 1940 г. указывалось следующее: «ряд мер, предпринятых английским правительством, по сокращению и ограничению торговли с СССР (аннулирование советских заказов на оборудование), задержание советских торговых судов с грузами для СССР, враждебная позиция, занятая английским правительством во время конфликта между СССР и Финляндией... не могли способствовать удовлетворительному развитию этих переговоров»^[4]. Миссия по встречной активизации обеих дипломатий по-настоящему началась 25 июня 1940 года, когда новый премьер Уинстон Черчилль известил генсека об отправке в СССР, как считалось, способного и влиятельного посла — Страффорда Криппса, который вскоре имел в Кремле беседу с советским лидером. «Тот факт, что обе наши страны расположены не в самой Европе, а на ее оконечностях, ставит их в особое положение, — обратился Черчилль к крайне необходимому геополитическому партнеру на востоке. — Мы в большей мере, чем иные страны, расположенные не столь удачно, способны сопротивляться гегемонии Германии...»^[5].

[1] Черчилль У. Вторая мировая война. Т.2. — М., АНФ, 2011. — С. 255.

[2] Дейтон Л. Вторая мировая. Ошибки, промахи, потери / Л. Дейтон ; пер. с англ. — М. : Эксмо-Пресс, 2000. — С.513.

[3] Архив внешней политики Советского Союза (АВП СССР). Фонд 0129. Опись 23. Дело 12. Меморандум Советского правительства правительству Англии от 27 апреля 1940 г.

[4] Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 4. — М., 1947. — С. 505.

[5] Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 2. — М., АНФ, 2011. — С. 384.

«Германия ясно почувствовала, что с тех пор, как сэр Страффорд Криппс стал послом в Москве..., происходит тайное и даже относительно явное укрепление уз между Россией и Англией»^[1], — вынужден был признать глава гитлеровской дипломатии Иоахим фон Риббентроп. Вместе с тем, к сожалению, назначение Криппса, как и его миссию в целом, нельзя считать однозначными свидетельствами англо-советского сближения по всем азимутам. Так, 18 апреля 1941 г. английское правительство через своего нового посла предприняло новый, и, добавим, весьма двусмысленный маневр в отношении СССР. Посол вручил НКИД меморандум, в котором писал, что в случае затягивания войны на продолжительный срок, британские элиты будут скорее заинтересованы в том, чтобы война закончилась на приемлемых для фашистской Германии условиях. Иными словами, при развитии подобного сценария открывался неограниченный простор для экспансии на восток и завоевания так называемого «жизненного пространства». Очевидно, меморандум преследовал цель подтолкнуть СССР к более активным действиям против Германии с помощью угрозы примирения между Лондоном и Берлином.

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ: СОХРАНЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ КАНАЛОВ СВЯЗИ

Что касается Советского Союза, то руководство страны стремилось избежать еще большего обострений отношений с Англией, чем те вспышки взаимной вражды, которые не раз отмечались в 1920-х и 1930-х гг. Криппс информировал Лондон в конце марта 1941 г., что советское правительство

своим поведением как бы демонстрировало «желание подготовить почву для возможного сближения с нами»^[2].

Ключевым направлением деятельности советской дипломатии явилось поддержание официальных дипломатических контактов. На посту советского полпреда в Великобритании в этот период находился опытный дипломат Иван Михайлович Майский, пользовавшийся значительным авторитетом в британских политических кругах. Майский продолжал встречаться с высокопоставленными британскими чиновниками и политиками, разъяснял позицию советского правительства по актуальным вопросам международной политики и, несмотря на сдерживающий фактор советско-германского пакта, пытался убедить собеседников на Темзе в необходимости сотрудничества с СССР в противодействии или хотя бы в сдерживании (учитывая отношения между Москвой и Берлином) германской агрессии.

В этой связи особый интерес представляют дневниковые записи бесед И.М. Майского с У. Черчиллем. По мнению самого И.М. Майского, отношения между СССР и Великобританией в тот момент «были отравлены взаимными подозрениями»^[3]. Тем не менее, благодаря ежедневным усилиям советского полпреда и поддержанию контактов с британским правительством на личном уровне, а также доверию, оказываемому Майскому, удалось сохранить хрупкий мост для будущих переговоров.

По прошествии более восьми десятилетий мы подчас недооцениваем атмосферных, морально-психологических особенностей тогдашних контактов. Говорим в основном об их со-

[1] Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 3. — М., АНФ, 2011. — С. 104.

[2] История дипломатии. Т. 4. Дипломатия в годы второй мировой войны. — М., 1975. — С. 165.

[3] Документы внешней политики. Т. XXII, кн.2. — М. 1992. — С. 168.

держании. Но стоит задуматься: как воспринимались окружающими беседы полпреда и премьера не в торжественной тишине правительственные апартаментов, а под аккомпанемент бомбёжек «люфтваффе» и зенитных залпов. По воспоминаниям очевидцев, Майский на фоне воздушной тревоги не раз предлагал Черчиллю встать с железной скамьи в т.н. «Зимнем саду» полпредства СССР в доме номер 13 по Royal Kensington Gardens и перейти в убежище. Но увлеченный разговором премьер чаще всего отмахивался, предлагая досидеть до конца налета.

В те грозовые дни И.М. Майский неоднократно заверял правительство Черчилля в том, что для СССР оскорбительны любые утверждения о возможном военном союзе с Германией. Советский полпред утверждал, что хозяйственный договор с Германией отнюдь не был сговором подрывного характера, нацеленным против интересов Британии. Документ являлся именно прагматичным по своей сути соглашением, экономически выгодным для СССР. Как напоминал Майский, Советский Союз получал от Германии большое количество станков и оборудования, равно как изрядное количество вооружения, в продаже чего ему неизменно отказывали как в Англии, так и во Франции. Наконец, СССР как был, так и оставался нейтральным, если, конечно, Англия или Франция сами не нападут на Советскую Россию и не заставят ее тем самым взяться за оружие. Иными словами, упорно распространяемые слухи о военном союзе СССР с Третьим рейхом подогреваются не только некоторыми элементами в Берлине, чтобы дезинформировать Англию и Францию, но

и некоторыми агентами самой Англии, а также Франции, желающими использовать воображаемый «переход СССР в лагерь Германии» для своих особых целей в области внутренней политики^[1].

Вместе с тем в критическом плане необходимо учесть и то, что работа самого полпредства СССР в Лондоне в 1939-1941 гг. проходила в условиях дефицита доверия со стороны не только зарубежных оппонентов, но подчас и сталинского руководства. Однако, с другой стороны, этот дефицит и бесконечные перепроверки информации объяснимы. Ведь они были вызваны не только общей подозрительностью Кремля в отношении западных держав и умелыми действиями германских спецслужб, но и глубинно-психологическими причинами, связанными с биографиями действующих на Темзе лиц. К сожалению, это относилось к И.М. Майскому, чья дореволюционная связь с меньшевистским крылом РСДРП не была забыта Сталиным и, безусловно, влияла на восприятие его донесений. Тем не менее, к чести Сталина, эта мнительность не привела к снятию Майского с должности в столь критический период. Советский лидер понимал, сколь глубоко и органично этот политик и дипломат врос в перипетии лондонской политической жизни и, главное, какое доверие он вызывал у Черчилля^[2]. Вспоминая об этом сегодня, автор ни в коем случае не оправдывает кадровые чистки и репрессии конца 1930-х гг. в аппарате НКИД. Но, к счастью, непосредственно перед началом Великой Отечественной войны в Лондоне, как и в Вашингтоне, было сохранено здоровое, профессиональное и реалистично мыслящее ядро

[1] Бондаренко А.Ю. Горькое лето 1941-го. — М., Вече. 2010. — С. 11

[2] Ржешевский О. А. Война и дипломатия: Документы, комментарии (1941-1942) / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Ассоц. историков второй мировой войны. — М.: Наука, 1997. — С. 3.

диппредставительств, позволившее без промедлений уже 22 июня подтолкнуть будущих союзников к незамедлительной поддержке СССР.

Кроме того, стоит обратить особое внимание на то, что еще в период так называемой «Странной войны», во время своего визита в Берлин в ноябре 1940 г., В.М. Молотов, народный комиссар иностранных дел Страны Советов, решительным образом отказался от возможного присоединения СССР к пакту трех держав и разделу британских колониальных владений в Азии. Так, во время одной из встреч, когда Иоахим фон Риббентроп убеждал Молотова в том, что конец Британской империи неминуем, английские самолеты ударили по немецкой столице. Собеседники перешли в безопасное место, а Молотов парировал своему немецкому коллеге известной на весь мир фразой: «Если Англия разбита, то почему мы сидим в этом убежище? И чьи это бомбы падают так близко, что разрывы их слышатся даже здесь?»^[1]. Эти слова не могли не дойти до Черчилля (хотя впоследствии он не признавал этого), как и до всего британского руководства.

Думается, во многом благодаря всему вышеперечисленному, а не только собственному последовательному прагматизму, Черчилль во время одной из встреч с Майским посчитал необходимым обратить внимание полпреда на то, что интересы двух стран «нигде не сталкиваются»^[2].

Более того, говоря о вступлении 17 сентября 1939 г. войск СССР в Западную Украину и Западную Белоруссию, контролировавшиеся ранее Польшей, британский премьер-министр заявил

в беседе с Майским 6 октября 1939 г.: «Это исторически нормально и, вместе с тем, сокращает возможное «жизненное пространство» для Гитлера»^[3].

Выходит, присоединение к Советскому Союзу Бессарабии и Северной Буковины, как и ввод частей Красной Армии в Польшу, нашли в лице Черчилля понимание, что конструктивно повлияло на советско-британские дипломатические отношения. Думается, это суждение остается справедливым несмотря на то, что, в отличие от названных территорий, присоединение прибалтийских государств, независимых с 1918 г. и не являвшихся предметами территориальных споров (СССР не признавал аннексию Румынией Бессарабии в 1918 г. и вынужден был уступить территории Западной Украины и Западной Беларуси по итогам Рижского мира 1921 г.), к СССР не было юридически признано ни Великобританией, ни Соединенными Штатами.

Как известно, 22 июня 1941 года гитлеровская Германия вероломно, без объявления войны, напала на СССР. И именно 22 июня Уинстон Черчилль заявил в своей ставшей знаменитой речи: «Вторжение Гитлера в Россию — лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова... Поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам»^[4].

С учетом содержания данного доклада, т.е. поддержания интенсивных связей между Москвой и Лондоном, не приходится удивляться такой прямоте, на которую до тех пор не отваживался ни один представитель правящего в Вестминстере класса.

[1] Бережков В.М. Как я стал переводчиком Сталина. Записки дипломата-переводчика 1939-41 гг. — М.: Демократия, 2014. — С. 61.

[2] Документы внешней политики. Т. XXII, кн.2. — М. 1992. — С. 168.

[3] Ржешевский О. А. Война и дипломатия: Документы, комментарии (1941-1942) / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Ассоц. историков второй мировой войны. — М.: Наука, 1997. — С. 1.

[4] Churchill W. The Second World War. Vol. 3 L., 1951. P. 331—333.

В свою очередь, в мозговых центрах российской дипломатии и по сей день подчеркивается, что «ни одно государство в XX веке не оказалось такой жизненно важной услуги Великобритании, как вступление Советского Союза во Вторую мировую войну 22 июня 1941 года. В тот день Уинстон Черчилль испытал, пожалуй, самое большое облегчение в своей жизни»^[1]. Конечно, всерьез обсуждать открытие второго фронта на тот момент не представлялось возможным. Тем не менее успех в сохранении канала общения между СССР и Великобританией в дальнейшем способствовал формированию антигитлеровской коалиции и победе над фашизмом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтверждает очевидность того, что роль советской дипломатии в сохранении прямой линии связи высокого уровня между Москвой и Лондоном в критический период 1939-1941 гг. была значительной, хотя и не всегда публичной и очевидной. Несмотря на взаимное недоверие, идеологические разногласия и внешние факторы, советским дипломатам удавалось поддерживать минимальную, но жизненно важную

планку диалога с Великобританией, что в дальнейшем сыграло свою роль в формировании антифашистской коалиции.

На фоне разраставшейся угрозы, шедшей от Третьего рейха, рельефно выявилось, что расхожие суждения о якобы полной дезориентации Кремля в канун нацистского нашествия были и остаются домыслами. Как ложно-гипертрофированными являются и утверждения о неспособности и неготовности Москвы наладить сотрудничество с ведущими капиталистическими державами в крайне сжатые сроки. В конечном счете, несмотря на сохраняющуюся подозрительность и идеологические барьеры, советская дипломатия на британском направлении, ведомая Майским, смогла сыграть свою роль в подготовке почвы для будущего антифашистского альянса.

И пусть в 1939-1941 гг. полномасштабное союзничество было лишь призрачной перспективой, канал связи, проложенный советской дипломатией, выдержал тяжесть взаимных подозрений и в конечном счете стал одним из ключевых звеньев, соединивших СССР и Великобританию в рядах антигитлеровской коалиции.

[1] Громыко А.А. Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки: монография / Ал. А. Громыко; Учреждение Российской акад. наук, Ин-т Европы РАН — М.: Ин-т Европы РАН: Русский сувенир, 2008. — С. 15.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Советского Союза (АВП СССР). Фонд 0129. Опись 23. Дело 12. Меморандум Советского правительства правительству Англии от 27 апреля 1940 г.
2. Бережков В.М. Как я стал переводчиком Сталина. Записки дипломата-переводчика 1939-41 гг. — М.: Демократия, 2014. — 400 С.
3. Бондаренко А.Ю. Горькое лето 1941-го / А.Ю. Бондаренко, Н.Н. Ефимов. — Москва: Вече, 2010. — 432 с.
4. Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 4. — М., 1947. — 647 с.
5. Громыко А.А. Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки: монография / Ал. А. Громыко; Учреждение Российской акад. наук, Ин-т Европы РАН — М.: Ин-т Европы РАН: Русский сувенир, 2008. — 96 с.
6. Дейтон Л. Вторая мировая. Ошибки, промахи, потери / Л. Дейтон; пер. с англ. — М.: Эксмо-Пресс, 2000. — 576 с.
7. Документы внешней политики, т. XXII, М. 1992, кн.2. Сентябрь-декабрь / М-во иностр. дел РФ. — М.: Междунар. отношения, 1992. — 688 с.
8. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. — М.: Издательство АПН, 1971. — 736 с.
9. История дипломатии. Т. 4. Дипломатия в годы второй мировой войны. — М.: Издательство политической литературы, 1975. — 752 С.
10. Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. 1925—1945. — М.: Наука, 1971. — 716 с.
11. Ржешевский О. А. Война и дипломатия: Документы, комментарии (1941-1942) / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Ассоц. историков второй мировой войны. — М.: Наука, 1997. — 288 с.

12. Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 2. — М.: АНФ, 2011. — 484 с.
13. Churchill W. The Second World War. Vol. 3 — L.: 1951. — 903 р.

REFERENCE

1. Arhiv vneshej politiki Sovetskogo Soyuza (AVP SSSR). Fond 0129. Opis' 23. Delo 12. Memorandum Sovetskogo pravitel'stva pravitel'stvu Anglii ot 27 aprelya 1940 g. [Archive of Foreign Policy of the Soviet Union (AVP SSSR). Fond 0129. Inventory 23. File 12. Memorandum of the Soviet Government to the Government of England dated April 27, 1940].
2. Berezhkov V.M. Kak ya stal perevodchikom Stalina. Zapiski diplomata-perevodchika 1939-41 gg. [How I Became Stalin's Interpreter. Notes of a Diplomatic Interpreter 1939-41]. — M.: Demokratiya, 2014. — 400 S.
3. Bondarenko A. Yu. Gor'koe leto 1941-go [The Bitter Summer of 1941] / A.YU. Bondarenko, N.N. Efimov. — M.: Vechе, 2010. — 432 s.
4. Vneshnyaya politika SSSR. Sbornik dokumentov. T. 4. [Foreign Policy of the USSR. Collection of Documents. Vol. 4.] — M., 1947. — 647 s.
5. Gromyko A.A. Obrazy Rossii i Velikobritanii: real'nost' i predrassudki: monografiya [Images of Russia in Great Britain: Prejudice and Reality] / A. A. Gromyko; Uchrezhdenie Roscijskoj akad. nauk, In-t Evropy RAN — M.: In-t Evropy RAN: Russkij suvenir, 2008. — 96 s.
6. Dejton L. Vtoraya mirovaya. Oshibki, promakhi, poteri [Blood, Tears and Folly: An Objective Look at World War II] / L. Dejton; per. s angl. — M.: Ehksmo-Press, 2000. — 576 s.
7. Dokumenty vneshej politiki, t. XXII, M. 1992, kn.2. Sentyabr'-dekabr' [Documents of Foreign Policy, vol. XXII, M., 1992, book 2] / M-vo inostr. del RF. — M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1992. — 688 s.

8. Zhukov G.K. Vospominaniya i razmyshleniya [Memoirs and Reflections]. — M.: Izdatel'stvo APN, 1971. — 736 s.
9. Iстория дипломатии. Т. 4. Дипломатия в годы Второй мировой войны [History of Diplomacy. Vol. 4. Diplomacy during the Second World War]. — M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1975. — 752 s.
10. Майский И.М. Воспоминания советского дипломата 1925—1945 [Memoirs of a Soviet diplomat. 1925-1945]. — M.: Nauka, 1971. — 716 s.
11. Rzheshhevskij O. A. Vojna i diplomatiya: Dokumenty, kommentarii (1941-1942) [War and Diplomacy: Documents, Comments (1941-1942)] / Ros. akad. nauk, In-t vseobshch. istorii, Assoc. istorikov vtoroj mirovoj vojny. — M.: Nauka, 1997. — 288 s.
12. Cherchill' U. Vtoraya mirovaya vojna. T. 2. [The Second World War. Vol. 2.] — M.: ANF, 2011. — 484 c.
13. Churchill W. The Second World War. Vol. 3 — L.: 1951. — 903 p.

Значение «миссии Гопкинса» для складывания и формализации антигитлеровской коалиции

Васягин Тихон Сергеевич

МГИМО МИД России

Факультет международных отношений, 2 курс
19454 Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

РЕЗЮМЕ

В данной статье анализируется визит Гарри Гопкинса, официального представителя президента США Франклина Д. Рузвельта, в Москву в конце июля 1941 г. Следует отметить, что «миссия Гопкинса» рассматривается и как отдельный дипломатический визит, и как часть длительного и многогранного процесса формирования антифашистского блока. Автор приходит к выводу о большом значении переговоров И.В. Сталина с Гопкинсом летом 1941 г. Результаты этой встречи заключались не только в координации действий СССР и США по будущим поставкам по ленд-лизу, но и в обсуждении и уточнении потребностей Красной Армии в вооружении, технике и других материальных средствах. Именно выводы, сделан-

ные Гарри Гопкинсом по итогам его визита в Москву, убедили Франклина Рузвельта и многих представителей американской политической элиты в готовности советского руководства продолжать борьбу с Третьим рейхом. В данной работе автор освещает изменение взглядов и оценок западных политиков и дипломатического корпуса относительно готовности и решимости советского руководства и лично И.В. Сталина продолжать борьбу с нацистской Германией, несмотря на ряд тяжёлых поражений в начальный период Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется позитивному влиянию «миссии Гопкинса» на двусторонние советско-американские отношения в годы Второй мировой войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Миссия Гопкинса, Вторая Мировая война, антигитлеровская коалиция, ленд-лиз

The Significance of the «Hopkins Mission» for the Formation and Formalization of the Anti-Hitler Coalition

Tikhon S. Vasyanin

MGIMO University

School of International Relations, 2nd Year

ABSTRACT

This paper analyzes the visit of Harry Hopkins, the official representative of US President Franklin D. Roosevelt, to Moscow in late July 1941. It should be noted that the «Hopkins mission» is viewed both as an individual diplomatic visit and as a component of the long and multifaceted process of forming an anti-fascist bloc. The author concludes that the negotiations between Stalin and Hopkins in the summer of 1941 had a significant impact. The results of this meeting consisted not only of coordinating the actions of the USSR and the USA on future deliveries under the Lend-Lease program and discussing and clarifying the weapons, equipment, and other items needed by the Red Army. It was the conclusions reached by Harry

Hopkins following his visit to Moscow that convinced Franklin Roosevelt and many members of the American political establishment of the Soviet leadership's readiness to continue the fight against the Third Reich. In this work, the author highlights the changing views and assessments of Western politicians and members of the diplomatic corps regarding the readiness and determination of the Soviet leadership, and Joseph Stalin personally, to continue the fight against Nazi Germany, despite several severe defeats in the initial period of the Great Patriotic War. Particular attention is paid to the positive impact of the «Hopkins mission» on bilateral Soviet-American relations during World War II.

KEY WORDS

Hopkins mission, World War II, anti-Hitler coalition, Lend-Lease.

Цель исследования — определение значения миссии Гопкинса для складывания антигитлеровской коалиции в условиях Второй Мировой войны, используя анализ предпосылок, хода и последствий советско-американских переговоров в Москве в июле-августе 1941 г., их предыстории и результатов, а также изменений во взаимоотношениях между будущими странами-членами антигитлеровской коалиции. Объектом исследования является процесс формирования антигитлеровской коалиции в начальный период Второй Мировой войны, предметом — влияние визита Гарри Гопкинса в Москву летом 1941-го г. на ход переговоров с советским руководством.

В работе были использованы такие научные методы, как анализ — разделение общего массива фактов на ряд конкретных положений, связанных с анализируемой проблематикой, и синтез — выведение общих тенденций и закономерностей из отдельных фактов и положений. Также следует отметить ретроспективный анализ — работу с документами и анализ источников личного происхождения.

В настоящее время проводятся многочисленные исследования процесса формирования антигитлеровской коалиции, налаживания союзнических связей между СССР, США и Великобританией для совместной борьбы с нацистской Германией и ее сателлитами. При этом достаточно часто проводится анализ подписания ключевых документов и соглашений, например, Атлантической хартии, а также рассматриваются основные конференции и встречи представителей будущих стран-союзниц, в частности — Первая Московская конференция. В то же время не уделяется достаточного внимания ряду мероприятий, также оказавших непосред-

ственное влияние на складывание и последующую формализацию антигитлеровской коалиции.

Нужно понимать, что процесс складывания подлинно союзнических отношений между СССР, США и Великобританией перед лицом общего врага — стран «Оси» — отнюдь не был простым и быстрым. Необходимо было преодолеть существовавшие противоречия и в отдельных вопросах (разность целеполагания руководства этих государств), и в этой связи визит Гарри Гопкинса в Москву, значение которого часто остается недооцененным на фоне других переговоров на высшем уровне, достоин особого внимания. Следует понимать, что подобные визиты часто оказывают серьезное влияние на значительные изменения во взаимоотношениях между государствами, складывание различных союзов. В определенной степени одним из недавних примеров этой тенденции можно считать визиты специального посланника Д. Трампа С. Уиткоффа, который за последний год несколько раз проводил переговоры с президентом Российской Федерации В.В. Путиным, что, по разным оценкам, может быть важной вехой на пути вывода российско-американских отношений из кризиса. Несмотря на то, что между проблематикой переговоров и международной обстановкой сегодня и положением дел на начальном этапе Второй мировой войны есть весьма существенные различия, нельзя не отметить, что переговоры с участием Г. Гопкинса и И.В. Сталина в конце июля 1941 г. имели довольно заметное положительное влияние не только на складывание и формальное закрепление антигитлеровской коалиции, но и на развитие двусторонних советско-американских отношений (по крайней мере, в период нахождения у власти Франклина Д. Рузельята).

Следует отметить исторические источники и научную литературу, использованные при подготовке данной статьи. Тема миссии Гопкинса разрабатывалась как отечественными, так и зарубежными исследователями, также сохранились свидетельства современников. Статья «Отправляйтесь в Москву, повидайте Сталина»^[1], написанная профессиональным исследователем истории международных отношений, старшим советником Историко-документального департамента МИД России М. Кравченко, приурочена к 80-летию визита Г. Гопкинса в СССР летом 1941 г. В этой статье подробно, с использованием документов и источников личного происхождения, анализируются как личные качества и биография самого Г. Гопкинса, так и предпосылки, проведение и результаты его переговоров с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым. Также при подготовке настоящей статьи использовались работы Роберта Шервуда^[2], американского журналиста, публициста и государственного деятеля, который стал крупнейшим исследователем биографии Г. Гопкинса и его взаимоотношений с Ф. Рузвельтом. Шервуд получил доступ к архиву Г. Гопкинса, будучи директором зарубежной службы Управления военной информацией. В его работах анализируются причины карьерного взлета Г. Гопкинса и его роль в команде Рузвельта, в том числе в контексте складывания антигитлеровской коалиции и двухсторонних советско-американских отношений.

Отдельно следует отметить мемуары Н.М. Харламова «Трудная миссия»^[3]. В них глава советской диплома-

тической миссии в Великобритании описывает ход формирования антигитлеровской коалиции и, в частности, визит Гопкинса глазами непосредственного высокопоставленного участника процесса. При проведении данного исследования использовалась работа «Европа между Рузвельтом и Сталиным 1941-1945 гг.»^[4] М.Ю. Мягкова — крупного исследователя Второй Мировой войны.

Широко известно, что на момент начала и в первый период (период т.н. «приграничного сражения») Великой Отечественной войны западные державы — Великобритания и США — не спешили вступать в прямое военное противостояние с Третьим рейхом. Во многом это было обусловлено неуверенностью властей и политического истеблишмента этих стран в способности СССР хоть что-то противопоставить гитлеровской Германии. Бессспорно, к лету 1941 г. именно вермахт был сильнейшей армией Европы, если не всего мира, обладая опытом европейских кампаний и постоянно оттачивая тактику «блицкригов» — молниеносных войн, в т.ч. на территории Польши и Франции. РККА же к началу войны подходила в состоянии реформирования — в СССР шло интенсивное военное строительство. Возводились новые оборонительные линии, военные части переоснащались новыми видами техники и вооружения. Результаты же первых сражений были ошеломляющими для советского командования. Попадали в окружение и были разгромлены цепь фронтов — Западный фронт под командованием генерала армии

[1] Кравченко М.К. Отправляйтесь в Москву, повидайте Сталина / М.К. Кравченко // Международная жизнь. — 2021. — №7. — С. 60-77.

[2] Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца / пер. с англ. Под ред. В.Н. Павлова. — М.: Издательство иностранной литературы, 1958. — 678 с.

[3] Харламов Н.М. Трудная миссия / Литературная запись В.И. Титова при участии В.В. Веселовского. — М.: Воениздат, 1983. — 224 с.

[4] Мягков М. Ю. Европа между Рузвельтом и Сталиным. 1941-1945 гг / М.Ю. Мягков. — М.: Алгоритм, 2017. — 398 с.

Д.Г. Павлова на территории БССР, Юго-Западный фронт под командованием генерал-полковника М.П. Кирпоноса под Киевом. Эти и другие поражения советских войск лишь укрепляли уверенность западных политиков в неизбежности скорого поражения СССР. В этой ситуации во многом поворотным моментом стал приезд в Москву помощника и близкого друга американского президента Ф.Д. Рузвельта Гарри Гопкинса.

Следует сказать несколько слов о биографии доверенного лица американского президента и его карьере в органах государственной власти. В 1933 г. Франклин Д. Рузвельт, уже будучи президентом, назначил Г. Гопкинса на должность руководителя Федеральной администрации чрезвычайной помощи, на этом посту он показал свои лучшие качества, принимая деятельное участие в реализации «нового курса» Рузвельта, разрабатывая экономические реформы по преодолению последствий Великой депрессии и координируя их проведение. В 1938 г. он был повышен до министра торговли.

Многие недоумевали, почему президент держит возле себя человека, чье происхождение и воспитание серьезно отличались от тех, которыми обладал сам Рузвельт. При этом современники характеризовали его как неординарного и близкого президента по духу государственного деятеля. Американский журналист Р. Клеппер так отзывался о Гопкинсе: «Он инстинктивно знал, когда можно спрашивать, когда надо молчать, когда можно настаивать, а когда надо уступить. Он знал, когда надо обратиться к Рузвельту прямо, а когда — идти

окольным путем... Живой, собранный, проницательный, смелый, отчаянный, настоящий сорвиголова Гопкинс во всех отношениях является несомненным фаворитом Рузвельта»^[1].

На предвыборных дебатах 1940 г. сам Ф.Д. Рузвельт, отвечая на вопрос своего соперника Уэнделла Уилки о причинах стремительного карьерного роста Г. Гопкинса в рамках его команды, сказал следующее: «Когда-нибудь вы можете оказаться здесь, где нахожусь сейчас я, в качестве Президента Соединенных Штатов. Когда это произойдет, вы будете смотреть на эту дверь, зная, что почти каждый, кто входит через нее, хочет чего-нибудь добиться от вас. Вы узнаете, на какое одиночество вас обрекает эта работа, и вы почувствуете необходимость в каком-нибудь человеке вроде Гарри Гопкинса, который не хочет ничего, кроме как служить вам»^[2].

Весной 1941 г. Г. Гопкинс стал руководителем «комиссии по закупке военных материалов для стран, на которые распространяется закон о передаче взаймы или в аренду американского оружия» — ленд-лиза. В то же время Гопкинс исполнял обязанности секретаря военного кабинета США, куда входили госсекретарь и важнейшие министры. В этот период Гопкинс в определенной степени становится вторым по влиянию человеком в государстве. При этом отношение к нему среди политической элиты США было неоднозначным — некоторые считали его мрачным и закрытым человеком, «своебразной комбинацией Макиавелли, Свенгали и Распутина»^[3].

С началом Великой Отечественной войны Гопкинс, как писал Р. Шервуд,

[1] Кравченко М.К. Отправляйтесь в Москву, повидайте Сталина / М.К. Кравченко // Международная жизнь. — 2021. — №7. — С. 62.

[2] Там же. — С. 62.

[3] Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца / пер. с англ. Под ред. В.Н. Павлова. — М.: Издательство иностранной литературы, 1958. — С. 62.

«немедленно вынужден столкнуться с новыми гигантскими проблемами оказания помощи России»^[1]. Отметим, что, по всей видимости, он был одним из тех представителей администрации президента Рузвельта, которые с самого начала советско-германской войны хотя бы интуитивно допускали способность СССР на протяжении более или менее длительного времени оказывать реальное сопротивление Третьему рейху, по максимуму его обескровив. Уже после войны Гопкинс отмечал, что главной причиной победы советской армии была не американская помощь, а героизм советских солдат и командиров^[2].

При этом Гопкинс, как личный представитель президента США, занимался координацией действий и с британской стороной. 11 июля 1941 г. после инструктажа лично президентом Г. Гопкинс вылетел в Лондон для обсуждения вопросов сотрудничества между двумя странами в условиях войны с премьер-министром У. Черчиллем. Нужно отметить, что визит Гопкинса в Москву стал возможен во многом благодаря личной инициативе и действиям советского полномочного представителя в Великобритании И.М. Майского. Именно он весьма аккуратно, но недвусмысленно намекнул Гопкинсу о возможности его прибытия в Советский Союз. При этом следует понимать, что И.М. Майский действовал на свой страх и риск, поскольку личным распоряжением народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова советским полпредам за рубежом были запрещены какие-либо подобные инициативы и самостоятельные действия без согласования с Москвой. Несмотря на

это, И.М. Майский решился на подобные кулачные переговоры, при этом позднее в отчетах и мемуарах он указывал, что они начались по инициативе американской стороны, т.е. непосредственно Гопкинса. Таким образом, опытный дипломат избегал наказания со стороны руководства НКИД, которое (в том числе и лично Молотов) относилось к нему без особой симпатии^[3].

С неожиданной легкостью Гопкинс положительно отреагировал на предложение Майского, после чего, получив разрешение Рузвельта, вылетел в Москву и прибыл в столицу СССР 30 июля. Следует отметить, что путь помощника американского президента был отнюдь не простым — прибыв морем в Архангельск, далее он летел до Москвы на самолете, проведя большую часть полета в железном кресле пулеметчика. Несмотря на усталость, вскоре после прибытия в Москву Г. Гопкинс встретился с И.В. Сталиным и передал главе советского государства основное послание Рузвельта о приоритетном значении победы над Третьим рейхом. Для этой цели США были готовы оказать СССР всю возможную помощь в самые сжатые сроки.

В качестве конкретных мер Рузвельт через Гопкинса предложил трехстороннюю конференцию, на которой были бы обсуждены интересы и цели всех стран-союзниц и диспозиция на каждом из театров военных действий. И.В. Сталин заверил Г. Гопкинса, что Советский Союз выстоит; в то же время он приветствовал бы объявление Соединенными Штатами войны Германии и даже появление американских войск на любом участке советско-германского фронта — под

[1] Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца / пер. с англ. Под ред. В.Н. Павлова. — М.: Издательство иностранной литературы, 1958. — С. 494.

[2] Там же. — С. 626.

[3] Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925-1945 гг. — Т.: Узбекистан, 1980. — С.356-358.

американским командованием. Второй фронт — или непосредственная военная помощь на советско-германском фронте — оставались главной практической целью И.В. Сталина во взаимоотношениях с западными партнерами. Как вспоминал сам Гопкинс, Сталин произвел на него впечатление хорошо подготовленного к переговорам человека, все прошло очень конструктивно^[1].

Позднее сам помощник американского президента отмечал, что был впечатлен уверенностью главы советского государства и готовностью вести войну, несмотря на тяжелые неудачи, ведь вряд ли бы человек, боявшийся неминуемого поражения, стал бы столь детально рассуждать о поставках алюминия. Несмотря на многочисленные проблемы советских войск летом 1941 г., советское руководство ограничилось списком товаров, включавшим наиболее приоритетные позиции, в том числе алюминий для производства боевых самолетов и стрелковое оружие (винтовки и пистолеты-пулеметы), без которого советская пехота не могла эффективно противостоять наступавшим немецким войскам. При этом в Москве с самого начала осознавали важность этих переговоров, которые в итоге способствовали вовлечению США в борьбу с Третьим рейхом и его сателлитами.

Нужно отметить, что и Рузвельт, и Гопкинс даже по возвращении последнего в Вашингтон по-прежнему не верили в способность РККА разгромить вермахт, но помощник американского президента теперь был полностью уверен в решимости СССР сражаться до полного исчерпания сил

и средств. В кратчайший срок Гопкинсу удалось убедить в этом и своего непосредственного руководителя, что позволило американскому президенту несколько пересмотреть свои планы на помощь СССР. Г. Гопкинс пользовался безграничным доверием президента, поэтому именно его доклад оказал решающее влияние в этом вопросе, равно как и при подготовке уже последующей встречи министров иностранных дел будущих стран-союзниц — Первой Московской конференции^[2].

При этом ситуация, при которой СССР, в итоге проиграв войну, максимально обескровил и истощил Третий рейх, виделась американскому лидеру и политической элите вполне приемлемой, что также могло быть отнесено к представителям британского истеблишмента.

В целом, следует отметить, что миссия Г. Гопкинса благоприятным образом повлияла на трехстороннее антифашистское сотрудничество. Логическим продолжением переговоров в Москве стал состоявшийся 2 августа 1941 г. обмен нотами. Американская сторона заявила о решении американского правительства оказать всеобъемлющее содействие СССР.

При этом вряд ли можно утверждать, что визит Гопкинса привел к окончательному и безусловному объединению усилий США, Великобритании и СССР и исчезновению противоречий и закулисных игр между союзниками.

9 августа Рузвельт встретился с британским премьер-министром У. Черчиллем у берегов Ньюфаундленда. Лидеры западных стран направили послание И.В. Сталину, в котором

[1] Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца: в 2 т. / пер. с англ. Под ред. В.Н. Павлова. М.: Изд. иностр. лит., 1958. — С.547-549.

[2] Харламов Н.М. Трудная миссия / Литературная запись В.И. Титова при участии В.В. Веселовского. — М.: Воениздат, 1983. — С. 61.

обещалась максимально возможная материальная поддержка советской стороны, а также предлагалось создать конференцию в Москве, на которой проблемы СССР подверглись бы детальному анализу и обсуждению. Это звучало обнадеживающе, но в то же время положение на советско-германском фронте становилось все более угрожающим для РККА — тяжелыми были поражения под Киевом, под Смоленском и на других участках фронта. Западные страны, между тем, несколько затягивали с более конкретными мерами. При этом 14 августа Рузвельт и Черчилль подписали Атлантическую хартию, причем Сталина не пригласили на подписание этого документа и уведомили о нем уже постфактум, что было воспринято советским руководством как определенный жест недоверия. Было бы ошибочно считать процесс складывания антигитлеровской коалиции абсолютно безболезненным после визита личного посланника Ф.Д. Рузвельта в Москву.

Несмотря на это, следует заметить, что миссия Гопкинса во многом изменила взгляды руководства США на намерения и планы руководства СССР в противостоянии с Гитлером. Гарри Гопкинс, не симпатизируя коммунизму, увидел решимость советского руководства продолжать борьбу с Третьим рейхом и донес свои наблюдения до Рузвельта. Стало ясно, что у Сталина оставались ресурсы для продолжения войны, а добровольной капитуляции СССР перед Третьим рейхом не предвидится. Визит доверенного лица президента Рузвельта в Москву определенно привел к сближению будущих союзников по антигитлеровской

коалиции, повлияв и на двухсторонние советско-американские отношения, а это имела весьма далеко идущие последствия. Более того, визит Гопкинса являлся де-факто прологом к встрече представителей США, Великобритании и СССР, состоявшейся в конце сентября 1941 г., Московскому совещанию, которое имело своей целью установить, «как наилучшим образом помочь Советскому Союзу в том великолепном отпоре, который он оказывает фашистскому нападению», по результатам же переговоров был подписан секретный протокол о снабжении Советского Союза Великобританией и Соединенными Штатами. А уже 1 января 1942 г. была подписана Декларация объединенных наций, ставшая программным документом «антигитлеровской коалиции», что также во многом стало возможным благодаря переговорам лета 1941 г.

В течение сравнительно непродолжительного времени (де-факто-половода) после визита Г. Гопкинса в Москву произошло окончательное складывание и формализация «антигитлеровской коалиции». Разумеется, к подобному развитию событий привело и вступление США в войну в начале зимы 1941 г., и ряд других факторов, но взаимосвязь между вышеописанными процессами конца 1941 — начала 1942 года и «миссией Гопкинса» представляется довольно очевидной, а влияние переговоров с участием И.В.Сталина и посланником американского президента Ф.Д. Рузвельта на складывание и формализацию антигитлеровской коалиции — довольно значительным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кравченко М.К. Отправляйтесь в Москву, повидайте Сталина / М.К. Кравченко // Международная жизнь. — 2021. — №7. — С. 60-77.
2. Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925-1945 гг. — Т.: Узбекистан, 1980. — 672 с., илл., портр. / Печатается с издания издательства «Наука» Москва, 1971 г.
3. Мягков М. Ю. Европа между Рузвельтом и Сталиным. 1941-1945 гг. — М.: Алгоритм, 2017. — 398 с.
4. Харламов Н.М. Трудная миссия / Литературная запись В.И. Титова при участии В.В. Веселовского. — М.: Вениздат, 1983. — 224 с.
5. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца / Пер. с англ. Под ред. В.Н. Павлова. — М.: Издательство иностранной литературы, 1958. — 678 с.

REFERENCES

1. Harlamov N.M. Trudnaya missiya [Difficult Mission] / Literaturnaya zapis'

- V.I. Titova pri uchastii V.V. Veselovskogo. — Moscow: Voenizdat, 1983. — 224 p.
2. Kravchenko M.K. Otpravlyajtes' v Moskvu, povidajte Stalina [Go to Moscow, See Stalin] / M.K. Kravchenko // International Affairs. — 2021. — №7. — pp. 60-77.
3. Maisky I. M. Memories of a Soviet diplomat, 1925-1945. — 672 p., ill., port. T.: Uzbekistan, 1980. — 672 p., ill., port. 672 p., ill., port. / Published from the edition of the Nauka publishing house, Moscow, 1971.
4. Myagkov M. Y. Evropa mezhdu Ruzvel'tom i Stalinym. 1941-1945 gg [Europe between Roosevelt and Stalin: 1941-1945] / M.Y. Myagkov. — M.: Algoritm, 2017. — 398 p.
5. Shervud R. Ruzvel't i Gopkins. Glazami ochevidca [Roosevelt and Hopkins. Through the Eyes of an Eyewitness] / Ed. by V.N. Pavlov. — Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1958. — 678 p.

Советско-германское соперничество за Турцию (1939–1941)

Дурманов Аркадий Александрович

МГИМО МИД России

Факультет международных отношений, 2 курс

19454 Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

РЕЗЮМЕ

Исследование посвящено анализу дипломатического противостояния СССР и Германии за влияние на Турцию в 1939–1941 гг. Цель работы — провести анализ динамики советско-турецких и германо-турецких отношений с учетом экономических, военно-политических и дипломатических факторов, определивших внешнеполитический курс Турции накануне и в начальный период Второй мировой войны. Задачи включают анализ эволюции советско- и германо-турецких отношений в 1930-е годы, изучение борьбы великих держав за Турецкую Республику и оценку последствий этого соперничества для региональной безопасности и советских интересов. Научная новизна заключается в комплексном и сравнительном подходе к анализу стратегий СССР и Германии, включая неформальные каналы влияния — экономическую зависимость, военное сотрудничество, присутствие военных советников и пропагандистские кампании. Это отличает работу от большинства исследований советско- или германо-турецких отношений, в которых акцент смещается на двусторонние отношения, а не комплекс-

ность взаимодействия государств в 1939–1941 гг.. Методология включает качественный и количественный контент-анализ документов, дипломатических переговоров, публикаций и современной историографии. Согласно результатам исследования, несмотря на экономическое доминирование Германии в 1930-х гг., её политическое влияние было ограничено с точки зрения дипломатии, тогда как СССР, опираясь на историческую дружбу времен войны за независимость, в связи с проведением неудачных переговоров в Москве, к началу войны постепенно утрачивал доверие Турции. После капитуляции Франции Турция перешла к прагматичному сближению с Германией, стремясь сохранить формальный нейтралитет и избежать вовлечения в войну. Попытки СССР договориться с Германией о сферах влияния в 1940 г. провалились, и к 1941 г., с подписанием германо-турецкого пакта о ненападении, Германия добилась фактического нейтралитета Турции, лишив СССР стратегических преимуществ на южном фланге. Таким образом, Турция, искусно балансируя между блоками, сохранила свой суверенитет.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

международные отношения; Вторая мировая война; Турция; СССР; Германия

Для связи с автором: mishinrt@gmail.com

Soviet-German rivalry for Turkey (1939–1941)

Durmanov Arkady Alexandrovich

MGIMO University

School of International Relations, 2nd Year

ABSTRACT

This study is devoted to the analysis of the diplomatic confrontation between the USSR and Germany for influence over Turkey in 1939–1941. The objective of the work is to analyze the dynamics of Soviet-Turkish and German-Turkish relations, taking into account the economic, military-political and diplomatic factors that determined Turkey's foreign policy on the eve and in the initial period of World War II. The objectives include the analysis of the evolution of Soviet- and German-Turkish relations in the 1930s, the study of the struggle of the great powers for the Turkish Republic and the assessment of the consequences of this rivalry for regional security and Soviet interests. The scientific novelty lies in the comprehensive and comparative approach to the analysis of the strategies of the USSR and Germany, including informal channels of influence — economic dependence, military cooperation, the presence of military advisers and propaganda campaigns, which distinguishes the work from isolated studies of Soviet- or German-Turkish

relations. The methodology includes qualitative and quantitative content analysis of documents, diplomatic negotiations, publications and modern historiography. The study shows that despite Germany's economic dominance in the 1930s, its political influence was limited by diplomacy, while the USSR, relying on historical friendship from the War of Independence, lost Turkey's trust after making unacceptable demands for control of the Black Sea straits in 1939. After the defeat of France in 1940, Turkey moved towards a pragmatic rapprochement with Germany, seeking to maintain formal neutrality and avoid being drawn into the war. Soviet attempts to negotiate spheres of influence with Germany in 1940 failed, as Germany was unwilling to share influence in the Balkans and Turkey. By 1941, with the signing of the German-Turkish Non-Aggression Pact, Germany achieved de facto neutrality for Turkey, depriving the USSR of strategic advantages on its southern flank. Thus, Turkey, skillfully balancing between the blocs, retained its sovereignty.

KEY WORDS

international relations; World War II; Turkey; USSR; Germany

В В Е Д Е Н И Е

Накануне и в начале Второй мировой войны Турция стала ареной острого дипломатического противостояния между Германией, СССР и западными державами. Её стратегическое положение на стыке Европы и Азии, контроль над черноморскими проливами и доступ к Ближнему Востоку делали Турцию ключевым игроком в борьбе за влияние в регионе. Особое значение имело германо-советское соперничество, которое разворачивалось на фоне попыток Турции сохранить нейтралитет и извлечь выгоду из противостояния великих держав.

Актуальность и научная новизна исследования обусловлены тем, что в работе комплексно рассматривается дипломатическая борьба СССР и Германии за Турцию, особое внимание уделяется не только официальным переговорам, но и неформальным каналам влияния, включая экономическое давление, военное сотрудничество и пропагандистские кампании. В отличие от многих предшествующих работ, в которых советско-турецкие и германо-турецкие отношения часто анализируются изолированно, т.е. независимо друг от друга, данное исследование предлагает сравнительный анализ стратегий двух держав, выявляя их сильные и слабые стороны.

Цель исследования: провести анализ динамики советско-турецких и германо-турецких отношений с учетом экономических, военно-политических и дипломатических факторов, определивших внешнеполитический курс Турции накануне и в начальный период Второй мировой войны. В задачи исследования входит: проанализировать эволюцию советско-турецких и германо-турецких отношений в 1930-е годы, выявить ключевые факторы, повлиявшие на турецкий внешнеполитический курс, рассмо-

треть дипломатическую борьбу между СССР, Германией и западными державами за Турцию в 1939–1941 гг. и оценить последствия этого противостояния для региональной безопасности. В ходе исследования используются качественный и количественный контент-анализ документов, дипломатических речей и публикаций, историографии, сравнительный анализ.

Проблема дипломатического противостояния Германии, СССР и западных держав вокруг Турции накануне и в начальный период Второй мировой войны получила освещение в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Однако многие аспекты этой geopolитической борьбы остаются недостаточно изученными.

В отечественной историографии данная тема рассматривалась в нескольких работах. В.К. Волков и Л.Я. Гибианский (1999 г.) проанализировали общеевропейский контекст дипломатических отношений 1939–1941 гг., включая позицию Турции. Дж.П. Гасанлы (2008 г.) представил комплексное исследование советско-турецких отношений от нейтралитета к холодной войне. Р.С. Корхмазян (1977 г.) сосредоточился на изучении германо-турецких отношений военного периода. В исследованиях А.Д. Васильева (2024 г.) и С.И. Мусаевой (2023 г.) предложены новые подходы к анализу трансформации советско-турецких отношений и политики турецкого нейтралитета. Важными источниками остаются многотомные «Документы внешней политики СССР» (1977–1998 гг.), содержащие дипломатическую переписку и тексты соглашений. Диссертация Б.Бекиева (1963) остается одним из немногих специализированных исследований германо-турецких отноше-

ний военных лет в отечественной науке.

В зарубежной историографии проблему изучали под различными углами зрения. М.Н. Алтынёрс (2017 г.) исследовал процесс принятия внешнеполитических решений турецким руководством, тогда как Х.Х. Диас Бенитес (2025 г.) проанализировал военное планирование Великобритании и Германии в отношении нейтральных стран, включая Турцию.

В середине 1930-х гг. Германия активно укрепляла свои экономические позиции в Турции. Благодаря клиринговым соглашениям она стала основным торговым партнёром Турции, обеспечивая более половины её экспорта и импорта. Следует подчеркнуть, что германский капитал выступал в Республиканской Турции, в отличие от султанского периода, не как акционер, а как подрядчик^[1]. Германия закупала турецкие сельскохозяйственные товары (изюм, табак, орехи) и поставляла промышленное оборудование, суда и транспортные средства.

Помимо экономических связей, существовали и военные. Германские фирмы поставляли вооружение и различные военные материалы для сухопутных и морских вооруженных сил Турции; в их штабах и соединениях находилась внушительная группа немецких советников и инструкторов. Немецкие офицеры под лозунгом старого «братства по оружию» поддерживали связи с реакционными турецкими военачальниками, установленные еще во времена Первой мировой войны^[2]. Подобные неформальные от-

ношения могли в решающий момент быть полезны Германии. Подобные неформальные отношения могли в решающий момент быть полезны Германии.

Однако, несмотря на экономическое доминирование и взаимодействие в военной сфере, политическое влияние Германии на официальную внешнюю политику Анкары на данном этапе оставалось ограниченным^[3]. Это было связано с тем, что Турция уже в этот период придерживалась балансирования в своем внешнеполитическом курсе. Сама Германия, сосредоточившись на ревизии Версальской системы в Европе, пока не оказывала на Турцию открытого политического давления, предпочитая сначала прочно «привязать» ее к себе.

Для СССР в 1920-е гг. Турция была единственным дружественным государством на Балканах, причем со времен борьбы за независимость под руководством М. Кемаля Ататюрка^[4]. Однако к середине 1930-х гг. между двумя странами стали проявляться геополитические противоречия. Вступление Турции в Лигу Наций, её ориентация на сближение с Западом, недовольство СССР итогами конференции в Монтрё и смена внутриполитического курса Анкары на более националистический постепенно снижали уровень доверия и объем товарооборота между двумя государствами. Следствием служило снижение объемов взаимного товарооборота. В 1934–1935 г он достиг уровня 7–10 млн руб. в год, а в 1940 г. упал до 1,1 млн руб^[5].

[1] Бекиев Б. Германо-турецкие отношения накануне и в годы Второй Мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Б. Бекиев. — Москва : МГУ, 1963. — С. 11

[2] Там же. — С. 10.

[3] Корхмазян Р.С. Турецко-германские отношения в годы Второй Мировой войны. — Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1977. — С. 54.

[4] Волков В.К., Гибианский Л.Я. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. — Москва : Наука, 1999. — С. 52.

[5] Коптевский В.Н. Россия — Турция: этапы торгово-экономического сотрудничества / В.Н. Коптевский. — Москва : ВЫПУСК №1(19) ЯНВАРЬ-МАРТ 2025

Таким образом, в конце 1930-х гг., инерция дружественных отношений, сохранявшаяся со времён Революции, постепенно ослабевала. Тем не менее отношения двух стран продолжали развиваться в нейтрально-дружественном ключе^[1], и лишь рост мировой напряженности поставил ее под сомнение.

В начале 1939 г. Турция оказалась в центре внимания великих держав. Германия использовала как угрозы, так и экономические рычаги с целью удержать Турцию от сближения с западными демократиями. После нападения Италии на Албанию в апреле 1939 г. Турция начала искать гарантии безопасности у Англии, Франции и СССР. Страна переходит от нейтралитета, основанного на экономических связях с Германией, к поиску военной безопасности через альянсы с другими державами.

В мае 1939 г. было заключено англо-турецкое соглашение о взаимной помощи, которое формально включило Турцию в систему британских гарантий безопасности^[2]. Это означало, что нападение на Турецкую Республику могло повлечь за собой вступление Великобритании в войну, что значительно повысило её международный статус. Франция также участвовала в этом процессе, что свидетельствовало о согласованной политике западных демократий по формированию «восточного фронта». Важным элементом этой стратегии являлись переговоры о заключении соглашения с СССР^[3].

Положение дел, когда значимое место во внешнеполитической ориентации турецкого руководства будут

иметь Англия и Франция, продолжится весь следующий год. На протяжении второй половины 1939 г. и первой половины 1940 г. СССР и Германия будут состязаться за «почетное второе место» в списке внешнеполитических приоритетов Республики.

Заключение соглашения между Турцией и Британией нарушило расчеты Германии на то, что заинтересованность в экономическом сотрудничестве с рейхом не позволят Анкаре изменить свою внешнюю политику. Перед германской дипломатией встала другая задача — если не предотвратить подписание окончательного договора Турции с западными державами, то, по крайней мере, уменьшить объем ее договорных обязательств. Последовали угрозы, предупреждающие, что любой отход турецкого руководства от политики нейтралитета будет иметь «роковые последствия». Назначение опытного дипломата Франца фон Папена послом в Анкару также подчеркивало важность Турции для Германии^[4], однако с весны 1939-го г. и вплоть до капитуляции Франции отношения между двумя странами будут планомерно ухудшаться.

Советский Союз также активизировал свои усилия. Важно понимать, что он не выступал в роли главного игрока, но активно использовал сложившуюся ситуацию, продолжая попытки интегрироваться в систему новой «коллективной безопасности». Движение в фарватере западной политики представляет собой тактический ход, позволяющий привлечь прозападно настроенное турецкое руководство и избежать восприятия себя в качестве агрессивной или идео-

[1] Документы внешней политики СССР. 1938 г. : в 24 т. / МИД СССР. — Т. 21. — Москва : Политиздат, 1977. — 784 с

[2] Волков В.К., Гибианский Л.Я. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. — Москва : Наука, 1999. — С. 60.

[3] Там же. — С. 60.

[4] Корхмазян Р.С. Турецко-германские отношения в годы Второй Мировой войны. — Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1977. — С. 31

логически навязчивой силы. Свидетельством данной политики может служить визит в Турцию первого заместителя НКИД В.И. Потемкина в мае 1939 г. с целью провести зондаж высшего военно-политического руководства страны на готовность сотрудничать с Советским Союзом в деле заключения совместного пакта^[1].

Вскоре прозападный курс советской дипломатии сменился на пронемецкий. Отныне в высших политических кругах Турции Советский Союз воспринимался как партнер Оси, против которой она действовала на дипломатическом поле с начала 1939 г. Данный факт не мог не повлиять на советско-турецкие переговоры. Более того, кардинально изменилась сама цель советской дипломатии. Если ранее СССР искал с Турцией союз против общего потенциального агрессора, то после заключения пакта с Берлином советское руководство стало рассматривать Анкару как потенциального союзника. Главной задачей стало не укрепление дружественных отношений, а обеспечение военно-стратегической безопасности черноморских рубежей любой ценой, вплоть до силового доминирования.

Тем не менее, даже после распада временной коалиции западных демократий с Советским Союзом и смены последним своих дипломатических приоритетов, обе стороны не утратили стремления продолжать переговоры о соглашении^[2]. При этом, ставя вопрос о заключении советско-турец-

кого пакта, Турция имела в виду возможное нападение на нее Германии и Италии. СССР же подразумевал возможное нападение на него Англии и Франции через Проливы и с территории Балкан (Румынии). Очевидно, эти противоположные интересы не могли быть согласованы, и заключение пакта представлялось невозможным^[3].

С этими разногласиями обе страны в октябре 1939 г. подошли к совместным переговорам, на которых стороны представляли министр иностранных дел Шюкрю Сараджоглу и нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов с секретарем ЦК КПСС Иосифом Сталиным. Выдвинув заранее неприемлемые условия, Советский Союз окончательно утратил свою репутацию защитника независимых государств, сформированную в 1920-1930-е гг, пожертвовав долгосрочным доверием ради сиюминутных геополитических выгод. Турецкое правительство, справедливо опасаясь потенциально агрессивного поведения советского руководства после заключения пакта Молотова-Риббентропа, непосредственно наблюдая за судьбой Польши и не желая быть втянутым в войну, отказалось принять эти условия, что привело к провалу переговоров^[4]. С этого момента советско-турецкие отношения вступили в фазу существенного охлаждения и стратегического недоверия^[5].

Тем не менее представители Республики не стремились полностью разрывать некогда дружественные

[1] Документы внешней политики СССР. 1939 г. : в 24 т. / МИД СССР. — Т. 22. — Кн. 1: Январь–август. — Москва : Международные отношения, 1992. — 712 с.

[2] Документы внешней политики СССР. 1939 г. : в 24 т. / МИД СССР. — Т. 23. — Кн. 2: Сентябрь–декабрь. — Москва : Международные отношения, 1992. — 752 с.

[3] Васильев А.Д. «Новый подход к вопросу о дружественных связях с Турцией» и трансформация советско-турецких отношений в 1939–1941 гг. / А.Д. Васильев // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2024. — № 4. — С. 207

[4] Корхмазян Р.С. Турецко-германские отношения в годы Второй Мировой войны. — Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1977. — С. 43.

[5] Васильев А.Д. «Новый подход к вопросу о дружественных связях с Турцией» и трансформация советско-турецких отношений в 1939–1941 гг. / А.Д. Васильев // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2024. — № 4. — С. 210.

отношения со своим северным соседом. Например, в заключенном англо-франко-турецком союзном договоре турецкое руководство оставило за собой право не вступать в войну, если это приведёт к конфликту с СССР^[1]. А после начала советско-финской войны, когда был поднят вопрос об исключении СССР из Лиги Наций, представитель Турции Неджметтин Садак — издатель газеты «Акшам» и представитель Турции в Лиге Наций с 1936 г. — участвовал в обсуждениях, но воздержался от голосования за исключение Советского Союза^[2]. Теперь обратимся к Германии. С одной стороны, для нее англо-франко-турецкий договор 1939 г. стал куда более серьезным ударом. Она на долгие месяцы стала аутсайдером в борьбе за влияние в Республике. Рейх не отказывался от попыток удержать Турцию в своей орбите, но экономическое давление, включая угрозы прекращения поставок промышленных товаров, критически важных для Республики, не давало результатов. Зимой-весной 1940 г. в германском МИДе считали: «следует быть готовым к тому, что Турция вступит в войну на стороне наших врагов...»^[3].

С другой стороны, теперь Германия имела возможность использовать тезис о «советской угрозе». В связи с провалившимися октябрьскими переговорами в Москве и советско-финляндской войной, угроза роста напряженности уже не казалась турецкому руководству столь иллюзорной. По

мнению немецких дипломатов, нагнетание напряженности в отношениях между Советским Союзом и Турцией должно было побудить турецкое правительство в критический момент воспользоваться протоколом № 2 англо-франко-турецкого договора и на его основании воздержаться от вступления в войну против рейха^[4]. Стремление Германии удержать Турцию вне войны совпадало в данном случае с собственными целями турецкого правительства, которое само изыскивало для этого благовидные предлоги^[5].

К лету 1940 г. ситуация изменилась кардинально. После успехов рейха в Европе Турция, используя деидеологизированный реалистичный подход, начала склоняться к сближению с Германией. Вся предшествовавшая политика турецких правящих кругов основывалась на убеждении в военном превосходстве Великобритании и Франции. В июне 1940 г. такая политика утратила свою основу. Опасаясь германской военной мощи, Анкара стремилась «перестраховаться», сохранив при этом формальный нейтралитет. Турецкая печать возобновила кампанию за укрепление связей с Германией, и уже в июле 1940 г. Турция подписала с ней торговое соглашение^{[6],[7]}.

Одновременно, используя свое положение победителя и понимая, что для втягивания Турции в Ось нужно разорвать её связи с СССР, рейх использовал радикальные методы

[1] Корхмазян Р.С. Турецко-германские отношения в годы Второй Мировой войны. — Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1977. — С. 42.

[2] Гасанлы Дж.П. СССР-Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). — Москва, 2008. — С. 68.

[3] Корхмазян Р.С. Турецко-германские отношения в годы Второй Мировой войны. — Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1977. — С. 49.

[4] Там же. — С. 49.

[5] Там же. — С. 52.

[6] Бекиев Б. Германо-турецкие отношения накануне и в годы Второй Мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Б. Бекиев. — Москва : МГУ, 1963. — С. 15.

[7] Корхмазян Р.С. Турецко-германские отношения в годы Второй Мировой войны. — Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1977. — С. 54.

(отчасти повторяя ошибку, совершенную Советским Союзом в осенью 1939 г.). С этой целью в начале июля были опубликованы компрометирующие документы французского Генерального штаба и Министерства иностранных дел, захваченные немцами. Публикации затрагивали планы Франции и Великобритании, составленные в период «странной войны», и описывающие подготовку нападения на бакинские нефтепромыслы со стороны Турции. Официальные документы сопровождались неоднозначными комментариями со стороны германской прессы, в которых подчеркивалось резкое обострение советско-турецких отношений и вероятность скорого появления советского ультиматума к Турции. Однако обе страны реагируют сдержанно: турецкие дипломаты встречаются с советскими коллегами, отрицая враждебные намерения, а ТАСС официально заявляет, что немецкая кампания — фальсификация^{[1],[2]}.

Несмотря на сдержанный тон публикации, необходимость в изменении политики по отношению к Турции стала очевидна. Если исходным пунктом советских замыслов весны 1939 г. была перспектива их осуществления в общем комплексе отношений с западными державами, то теперь новая международная установка оставляла только одну возможность — их разрешение в рамках соглашения с державами Оси. Намерения Советского Союза оставались неизменными, и наиболее четко они были выражены 1 июля 1940 г. в заявлении И.В. Сталина во время пере-

говоров с британским государственным деятелем С. Криппсом: советское руководство против «единоличного хозяйственника Турции в Проливах и против того, чтобы Турция диктовала условия на Черном море»^[3].

Однако в скором времени планы обеих сторон по сближению с Турцией были нарушены неожиданным нападением Италии на Грецию 28 октября 1940 г. Продвижение Италии к турецким границам, распространение военных действий на острова Эгейского моря могло стать прямой угрозой жизненным интересам Турции. Полагая, что только Германия может принудить своего союзника не распространять военные действия на прилегающую к турецкой границе территорию, руководство Республики продолжило наметившееся сближение со странами Оси, результатом чего стало начало двусторонних переговоров в ноябре 1940 г.^[4] Турция не стремилась стать союзником Германии, а искала гарантии стабильности в условиях хаоса, вызванного авантюрной политикой Муссолини. Её сближение с Осью являлось не идеологическим выбором, а скорее тактической уловкой.

Но и немецкая сторона аналогично использовала переговоры, отступая от политики давления. Договор в 1940 г. подписан так и не был. В первую очередь в связи с тем, что Германия, продолжавшая сохранять интригу относительно следующей своей крупной операции, опасалась того, что Советский Союз узнает о переговорах. Заключение германо-турецкого договора могло расшифровать планы Гитлера и сорвать намечаемый

[1] Волков В.К., Гибианский Л.Я. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. — Москва : Наука, 1999. — С. 254.

[2] Документы внешней политики СССР. 1940–22 июня 1941 г. : в 24 т. / МИД СССР. — Т. 23. — Кн. 1: 1 января – 31 октября 1940 г. — Москва : Международные отношения, 1995. — 432 с.

[3] Волков В.К., Гибианский Л.Я. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. — Москва : Наука, 1999. — С. 251.

[4] Корхмазян Р.С. Турецко-германские отношения в годы Второй Мировой войны. — Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1977. — С. 70.

внезапный «блицкриг»^[1].

На фоне стремительной потери влияния в Турции, советская сторона предприняла закономерную попытку договориться по данному вопросу с Германией. Такой попыткой стали переговоры В.М. Молотова с немецким руководством в Берлине (проходившие одновременно с германо-турецкими переговорами). В основном повторяя тезисы, озвученные годом ранее, СССР стремился не к уступкам со своей стороны, а к урегулированию отношений с Германией на Балканах. Тема Турции занимала в переговорах второстепенное место и навязывалась советской стороне немцами вместе с темой раздела британских колоний. В.М. Молотов постоянно указывал, что обсуждение вопросов, затрагивающих Турцию, возможно только в присутствии ее представителей^{[2],[3]}.

В свою очередь, руководство Германии все также стремилось к охлаждению советско-турецких отношений и регулярно демонстрировало смену тематики переговоров в угоду этой цели. Однако помимо расплывчатых формулировок, озвученных Молотовым, советской стороной не было дано никаких однозначных заявлений по данному вопросу. Немецкая сторона, соглашаясь с особыми советскими привилегиями в Черном море, была более заинтересована в том, чтобы выход в океан для СССР пролегал через Персидский залив и использовала турецкий вопрос в качестве провокации. Этот шаг можно сравнить с публикацией документов французского Генштаба летом 1940 г.: в обоих ситуациях немецкое руководство рас-

считывало на опрометчивые и резкие заявления советской стороны, способные обострить советско-турецкие отношения. Однако ни в июле, ни в ноябре 1940 г. германская сторона таких заявлений не получила.

25 ноября 1940 г., уже после переговоров в Берлине, советская сторона, не теряя надежды договориться о Турции, как ранее с англо-французским блоком, предложила заключить Пакт четырех держав, ключевое место в котором отводилось проблеме проливов. Речь шла об «организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды». В этом духе В.М. Молотов предлагал подписать протокол-соглашение между СССР, Германией и Италией^[4]. Однако из-за неудачной пропагандистской кампании советской дипломатии вскоре пришлось оправдываться за свои высказывания в адрес Турции (например, на встрече А.Г. Актая и В.М. Молотова 10 декабря 1940 г.), что в еще большей степени охладило отношения между двумя странами^[5].

Сохранить свои позиции в Республике Советской Союз мог посредством апелляции к агрессивной и напористой политики Германии. Этому способствовал рост напряженности на Балканах. В январе 1941 г. рейх разместил свои войска в Румынии и начал переговоры с Болгарией. Та, в свою очередь, могла спровоцировать начало боевых действий против Греции, что поставило бы перед турецким руководством проблему исполнения своих обязательств в рамках Балканской Антанты.

[1] Корхмазян Р.С. Турецко-германские отношения в годы Второй Мировой войны. — Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1977. — С. 74.

[2] Гасанлы Дж.П. СССР-Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). — Москва, 2008. — С. 80-82

[3] Документы внешней политики СССР. 1940–22 июня 1941 г. : в 24 т. / МИД СССР. — Т. 23. — Кн. 2, ч. 1: 1 ноября 1940 г. – 1 марта 1941 г. — Москва : Международные отношения, 1998. — 368 с.

[4] Гасанлы Дж.П. СССР-Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). — Москва, 2008. — С. 81

[5] Волков В.К., Гибианский Л.Я. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. — Москва : Наука, 1999. — С. 290.

В подобной обстановке Турция предпочитала видеть своим союзником того, кто смог бы ее защитить. Для дипломатов враждующих коалиций таковой державой должен был стать Советский Союз. Так Ш. Сараджоглу в беседе с американским дипломатом 15 января 1941 г. заявил, что «Турция имеет полное основание рассчитывать на помощь России», а 8 января турецкий посол в Лондоне Т.Р. Арас через болгарского дипломата довел до сведения германского министерства иностранных дел, что «в Анкаре уверены в том, что Россия готова помочь Болгарии и Турции в случае насильственного германского нападения на них»^[1]. Однако по большей части подобные действия были притворством, рассчитанным на Германию, переговоры о пакте с которой были приостановлены в декабре 1940 г. Кроме того, советское правительство, критическая позиция которого была представлена Молотовым на заседании Верховного Совета СССР, ранее не раз заявляло, что оно не связано какими-либо обязательствами по отношению к Турции, что является лишним подтверждением стремления турок представить взаимоотношения с СССР в выгодном для них самих ключе^[2]. Тем самым Советский Союз отказывался от ведения активной политики в Турции, мотивируя это стремлением сохранить доброжелательные отношения с Германией и снизить риск начала войны.

В свою очередь, Германия продолжила проведение своей политики с позиции силы: 17 февраля 1941 г. было заключено болгаро-турецкое согла-

шение о ненападении, а уже 1 марта немецкие войска были введены в Болгарию^[3]. 3–4 марта 1941 г. верховное командование вермахта рассматривало вопрос о подготовке возможной операции против Турции и дальнейшем продвижении на Ближний Восток.

В столь напряженной обстановке произошел обмен декларациями между СССР и Турцией. Союз стремительно терял свои позиции на Балканах: помимо Болгарии и Румынии, вскоре к Тройственному пакту примкнула и Югославия, которая, однако, в результате череды драматических событий исчезла с карты Европы уже к концу апреля. Аналогичная участь ждала и Грецию. Единственным государством на Балканах, сохранившим свой суверенитет, оставалась Турция, отношения с которой Советский Союз изменить уже никак не мог: начиная со второй половины 1940 г. доминирующее политическое влияние в стране имела Германия.

Тем не менее в апреле 1941 г. в кругах турецких дипломатов стало складываться мнение, что быть жертвой немецкой агрессии наступает очередь Турции, а за ней последует Советский Союз. К этому прибавлялась еще и деятельность фон Папена, который активно поддерживал в турецких дипломатических кругах мысль о «советской угрозе»^[4]. Однако если СССР не планировал военных операций в Закавказье, то опасность немецкого нападения на Турцию весной 1941 г. действительно существовала. Но на тот момент Германии было выгоднее сохранить независимое «буферное»

[1] Гасанлы Дж.П. СССР–Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). — Москва, 2008. — С. 81.

[2] Галиакбарова Н.М. Советско-турецкие отношения в условиях германской экспансии на Балканах (декабрь 1940 г.–июнь 1941 г.) / Н.М. Галиакбарова // Уральское востоковедение. — 2006. — № 2. — С. 141.

[3] Altinörs M.N. Turkish Foreign Policy during World War II // Asian Journal of Social Science Studies. — 2017. — № 1. — URL: <http://journal.julypress.com/index.php/ajsss/article/view/224> (дата обращения: 20.05.2024).

[4] Мусаева С.И. Турция и ее политика нейтралитета накануне и в период Второй Мировой войны (1939–1945 гг.) / С.И. Мусаева // Современная научная мысль. — 2023. — № 1. — С. 110.

государство на юге^[1].

Окончательное оформление Турции как невоюющего «сторонника» рейха произойдет 18 июня 1941 г. с подписанием германо-турецкого пакта о ненападении. С этого момента и вплоть до начала 1943 г. Турция будет предоставлять территорию для войны против Советского Союза, однако излишне переоценивать вовлеченность страны в конфликт также не стоит. Целью Турции являлось сохранение нейтралитета, и Пакт помогал в ее реализации^[2]. Что же касается СССР, то, проиграв противостояние Германии на дипломатической арене, он будет вынужден уже военными усилиями нейтрализовывать немецкую угрозу с юга, что значительно ограничит его возможности для пополнения резервами основного, советско-германского фронта.

Проведенное исследование позволило проанализировать ключевые аспекты дипломатического противостояния СССР и Германии за влияние на Турцию в 1939–1941 гг. Стратегическое значение страны, контроль над черноморскими проливами и её экономические связи сделали Анкару важным объектом борьбы между великими державами накануне и в начальный период Второй мировой войны.

В предвоенные годы Германия добилась значительного экономического доминирования в Турции, обеспечив себе до половины её внешнеторгового оборота. Однако политическое влияние Берлина осталось ограниченным, несмотря на активное военное сотрудничество, включавшее поставки оружия и присутствие немецких советников. В то же

время советско-турецкие отношения, основанные на исторической дружбе времён войны за независимость, к концу 1930-х гг. значительно ослабли из-за сокращения экономических связей. Окончательное снижение уровня доверия произошло в октябре 1939 г., когда Москва выдвинула Анкаре неприемлемые требования по контролю над проливами.

Переломным моментом стали 1939–1940 гг. Сначала Турция, опасаясь германской экспансии, заключила договор с Великобританией и Францией, формально войдя в систему западных гарантий безопасности. Однако после разгрома Франции в 1940 г. Анкара начала прагматичное сближение с Германией, демонстрируя гибкость и стремясь избежать прямого вовлечения в войну, но при этом извлекая выгоду из взаимодействия с обеими сторонами конфликта.

Советский Союз, напротив, допустил серьёзные просчёты в своей политике. Отказавшись от осторожного диалога с Турцией в пользу жёстких требований, Москва утратила влияние в регионе. Попытка договориться с Германией о разделе сфер влияния в ноябре 1940 г. также провалилась, поскольку Берлин не собирался делиться контролем над Балканами и Турцией. В результате к 1941 г. Германия, хотя и не сумела полностью втянуть Турцию в свою орбиту, добилась её нейтралитета, что лишило СССР стратегических преимуществ на южном направлении.

В итоге Турция, балансируя между противоборствующими блоками, сумела сохранить суверенитет и избежать прямого участия в войне. Для СССР потеря влияния в Турции стала

[1] Díaz Benítez J.J. British and German military planning in World War II regarding the 'long-haul neutrals' // *Vegueta. Anuario de la Facultad de Geografía e Historia*. — 2025. — № 1. — P. 154. — URL: <https://revistavegueta.ulpgc.es/ojs/index.php/revistavegueta/article/view/1061> (дата обращения: 20.05.2024).

[2] Болдырев А. В. Внешняя политика Турции в годы Второй мировой войны в современной турецкой историографии. Опыт осмыслиения : монография / А. В. Болдырев — Москва : ИВ РАН, 2023. — С. 68-73.

серьёзным дипломатическим поражением, вынудившим его учитывать потенциальную угрозу с юга в последующие годы войны. Германия, хотя и добилась временного успеха, не смогла закрепить долгосрочное доминирование из-за собственных стратегических ошибок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бекиев Б. Германо-турецкие отношения накануне и в годы Второй Мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Б. Бекиев. — Москва : МГУ, 1963. — 19 с.
2. Болдырев А. В. Внешняя политика Турции в годы Второй мировой войны в современной турецкой историографии. Опыт осмысления : монография / А. В. Болдырев — Москва : ИВ РАН, 2023. — 304 с.
3. Болдырев. А. В. Советско-турецкие отношения в 1940 г. и «берлинская» провокация германской дипломатии / А.В. Болдырев // Вторая мировая война и Восток: коллективная монография. — Москва : ИВ РАН, 2019. — 520 с.
4. Васильев А.Д. «Новый подход к вопросу о дружественных связях с Турцией» и трансформация советско-турецких отношений в 1939–1941 гг. / А.Д. Васильев // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2024. — № 4. — 598 с.
5. Волков В.К., Гибианский Л.Я. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. — Москва : Наука, 1999. — 456 с.
6. Галиакбарова Н.М. Советско-турецкие отношения в условиях германской экспансии на Балканах (декабрь 1940 г. – июнь 1941 г.) / Н.М. Галиакбарова // Уральское востоковедение. — 2006. — № 2. — С. 133–143.
7. Гасанлы Дж.П. СССР–Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). — Москва, 2008. — 527 с.
8. Документы внешней политики СССР. 1938 г. : в 24 т. / МИД СССР. — Т. 21. — Москва : Политиздат, 1977. — 784 с.
9. Документы внешней политики СССР. 1939 г. : в 24 т. / МИД СССР. — Т. 22. — Кн. 1: Январь–август. — Москва : Международные отношения, 1992. — 712 с.
10. Документы внешней политики СССР. 1939 г. : в 24 т. / МИД СССР. — Т. 23. — Кн. 2: Сентябрь–декабрь. — Москва : Международные отношения, 1992. — 752 с.
11. Документы внешней политики СССР. 1940–22 июня 1941 г. : в 24 т. / МИД СССР. — Т. 23. — Кн. 1: 1 января – 31 октября 1940 г. — Москва : Международные отношения, 1995. — 432 с.
12. Документы внешней политики СССР. 1940–22 июня 1941 г. : в 24 т. / МИД СССР. — Т. 23. — Кн. 2, ч. 1: 1 ноября 1940 г. – 1 марта 1941 г. — Москва : Международные отношения, 1998. — 368 с.
13. Коптевский В.Н. Россия — Турция: этапы торгово-экономического сотрудничества / В.Н. Коптевский. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2003. — 432 с.
14. Корхмазян Р.С. Турецко-германские отношения в годы Второй Мировой войны. — Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1977. — 198 с.
15. Мусаева С.И. Турция и ее политика нейтралитета накануне и в период Второй Мировой войны (1939–1945 гг.) / С.И. Мусаева // Современная научная мысль. — 2023. — № 1. — С. 106–113.
16. Altinörs M.N. Turkish Foreign Policy during World War II // Asian Journal of Social Science Studies. — 2017. — № 1. — Р. 1–7.

Сохранение памяти о Великой Отечественной войне в международной деятельности Русской Православной Церкви. Африканский вектор

Илюшин Илья Сергеевич

РУДН им. Патриса Лумумбы

Факультет гуманитарных и социальных наук, 3 курс
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

РЕЗЮМЕ

В исследовании был проведён анализ международной деятельности Русской Православной Церкви. Деятельность была рассмотрена в контексте гуманистической политики России за рубежом. Были выявлены основные направления и приоритеты этой деятельности. В частности, это участие в международном межконфессиональном диалоге, сотрудничество с международными организациями и деятельность по установлению и сохранению духовных связей между россиянами, проживающими за рубежом и РФ. Было изучено их применение на африканском континенте и проведена классификация этой деятельности по региональной направленности (в Африке и в России) и основной целевой аудитории (россияне и африканцы).

В ходе исследования была изучена роль памяти о Великой Отечественной войне в контексте российской внешней политики, в частности международном историческом дискурсе. Были сделаны выводы о значительной роли памяти о Великой Отечественной войне для формирования российской внешнеполитической идентичности, а также о приоритетности этого направления во внешней политике страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Патриарший Экзархат Африки, Русская Православная Церковь, Великая Отечественная Война, память, гуманистическая политика

Для связи с автором: ilyushin.iliusha@yandex.ru

Была изучена деятельность РПЦ по сохранению памяти о Великой Отечественной войне и выделены основные её направления: освещение церковной деятельности в медиапространстве, строительство храмов в память о войне, причисление участников войны к сонму новомучеников, восстановление биографий участников Великой Отечественной войны, создание музеев и экспозиций, посвящённых событиям Великой Отечественной войны, участие иерархов Церкви в различных мероприятиях Дня Победы, помощь в работе Российского фонда мира, проведение религиозных мероприятий в память о погибших в войне, организация мероприятий по тематике Великой Отечественной войны.

В ходе работы были сделаны выводы о деятельности Экзархата по сохранению памяти о Великой Отечественной войне, в частности о приоритете россиян в качестве основной целевой аудитории, об ограниченности транслируемого РПЦ образа для восприятия африканцами, а также об отсутствии сформированной стратегии в сфере распространения памяти о событиях Великой Отечественной войны.

Preserving the Memory of the Great Patriotic War in the International Activities of the Russian Orthodox Church. The African Vector

Ilya S. Ilyushin

RUDN University

Faculty of humanities and social sciences, 3rd Year

ABSTRACT

The study analyzed the international activities of the Russian Orthodox Church. These activities were considered in the context of Russia's humanitarian policy abroad. Key areas and priorities of these activities were identified. These included participation in international interfaith dialogue, cooperation with international organizations, and efforts to establish and maintain spiritual ties between Russians living abroad and the Russian Federation. Their application on the African continent was examined, and these activities were classified by regional focus (in Africa and Russia) and primary target audience (Russians and Africans).

The study examined the role of WWII memory in the context of Russian foreign policy, particularly international historical discourse. Conclusions were drawn regarding the significant role of WWII memory in shaping Russia's foreign policy identity and the priority of this area in the country's foreign policy.

The Russian Orthodox Church's activities in preserving the memory of the

Great Patriotic War were studied, and their main areas were identified: media coverage of church activities, the construction of churches commemorating the war, the canonization of war veterans as new martyrs, the restoration of the biographies of WWII veterans, the creation of museums and exhibitions dedicated to the events of the Great Patriotic War, the participation of Church hierarchs in various Victory Day events, and assistance with the work of the Russian Peace Foundation, holding religious events in memory of those who died in the war, and organizing events on the theme of the Great Patriotic War.

The study concluded that the Exarchate's activities in preserving the memory of the Great Patriotic War were focused on the priority of Russians as the primary target audience, as well as, the limitations of the image conveyed by the Russian Orthodox Church for Africans to perceive and the lack of a developed strategy for disseminating the memory of the events of the Great Patriotic War.

KEY WORDS

Patriarchal Exarchate of Africa, Russian Orthodox Church, Great Patriotic War, memory, humanitarian policy

Contact the author via: ilyushin.iliusha@yandex.ru

ВВЕДЕНИЕ

Великая Отечественная Война (ВОВ) стала одним из сложнейших испытаний, которые проходила Россия за свою историю. Сегодня память о событиях тех дней является одной из составляющих исторической памяти граждан Российской Федерации, а ее сохранение является одним из ключевых направлений как внешней, так и внутренней политики России. В этой связи государство активно взаимодействует с религиозными акторами. Среди них особое место занимает Русская Православная Церковь (РПЦ). Сегодня она ведет активную международную деятельность, в том числе и на африканском континенте. Эта активность создает почву для гуманитарного взаимодействия с африканцами, в том числе и в сфере ценностей и идентичности. Исходя из этого, в работе поставлена следующая цель: определить место деятельности Патриаршего Экзархата Африки по вопросам сохранения памяти о ВОВ в структуре гуманитарной политики России на континенте.

Для её достижения были сформированы следующие задачи:

1) Проанализировать роль памяти о ВОВ в формировании гуманитарной дипломатии России;

2) Выделить особенности деятельности РПЦ в контексте гуманитарной

политики РФ по сохранению памяти о ВМВ;

3) Изучить и классифицировать основные направления деятельности РПЦ по сохранению памяти о событиях ВОВ и ВМВ;

4) Проанализировать деятельность Патриаршего Экзархата Африки в сфере сохранения памяти о ВОВ и провести её классификацию;

5) Выделить основные направления и приоритеты деятельности РПЦ в Африке в сфере исторической памяти о ВОВ.

Работа выполнена с применением контент- и ивент-анализа постов Экзархата в социальных сетях. Также применялся анализ источников для изучения правовых документов РФ, в частности концепции Гуманитарной политики РФ за рубежом.

Тематика международной деятельности Русской Православной Церкви сегодня достаточно широко изучена. В частности, это работы М.И. Безбородова^[1] и В.Я. Матияшина^[2]. Достаточное внимание уделяется вкладу РПЦ в победу в Великой Отечественной войне (М.Б. Данилушкин^[3]) и церковной деятельности по сохранению памяти о ней. В работах Д.А. Буюкли^[4] представлен её анализ и изучены основные направления. При этом, африканский вектор в международной деятельности РПЦ сегодня недостаточно изучен.

[1] Безбородов М.И. Внешняя деятельность Русской Православной Церкви как «мягкая сила» России / Безбородов М.И. // Вестник Поволжского института управления. — 2021. — № 4 (21). — С. 7. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnaya-deyatelnost-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-kak-myagkaya-sila-rossii/viewer> (дата обращения: 05.09.2025).

[2] Матияшин В.Я. Русская Православная Церковь в мире / Матияшин В.Я. // Международная жизнь. — № 12. — 2008. — URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1615> (дата обращения: 13.09.2025).

[3] Данилушкин М.Б. История Русской Православной Церкви. От Восстановления Патриаршества до наших дней. Том 1 (1917–1970) / Данилушкин М.Б. // Гл. 12. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Русская Православная Церковь в 1941–43 годы. — СПб.: Воскресение. — 1997. — 1020 с.

[4] Буюкли Д.А. Сохранение исторической памяти о вкладе Русской православной церкви в победу в Великой Отечественной войне / Буюкли Д.А. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2019. — №180 (24). — С. 179-184. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-istoricheskoy-pamyati-o-vklade-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-v-pobedu-v-velikoy-otechestvennoy-voyne/viewer> (дата обращения: 06.07.2025).

Представлены лишь отдельные работы таких авторов, как Ю.В. Максимов^[1], которые посвящены в первую очередь описанию истории Патриаршего Экзархата Африки, часто с акцентом на обосновании рамок его деятельности и изучение общего политического контекста. В последнее время появляются работы и по гуманитарной деятельности Экзархата (Д.А. Брилев), однако эта тематика, в основном ввиду малого периода деятельности Экзархата, ещё мало раскрыта, что делает исследование актуальным.

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О СОБЫТИЯХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК НАПРАВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Будучи неотъемлемой частью российской исторической идентичности, вопрос сохранения памяти о ВОВ нашёл отражение в положениях концепции внешней политики РФ от 31 марта 2023 г. Так, среди основных задач внешней политики страны упоминается содействие сохранению за рубежом исторической правды о памяти и роли России в мировой истории. В ст. 44 отмечается приоритетность распространения правдивой информации о вкладе СССР в победе над нацистской Германией и необходимость принятия мер по недопущению замалчивания или какой-либо реабилитации преступлений фашизма^[2].

В концепции гуманитарной политики России за рубежом (ст. 69) говорится о необходимости активизации усилий по сохранению исторической памяти о ВОВ, чтобы не допустить умаления гордости россиян за свою Родину^[3].

По мере обострения противоречий в отношениях России и стран Запада вопрос исторической памяти о Второй мировой войне оставался столь же значимым. Происходили попытки пересмотреть роль СССР в войне в сторону ее умаления и возложения на страну ответственности за развязывание войны. Такая конфронтация исторических нарративов заставляет РФ искать поддержку у стран Глобального Юга.

Отдельное место среди них занимают африканские страны, с которыми Россия сегодня активно наращивает связи. Несмотря на ограниченное участие стран континента в событиях Второй мировой войны, память об этих событиях занимает важное место в российско-африканских отношениях, являясь одной из составляющих социально-культурного сотрудничества. Российская сторона неоднократно подчёркивала роль отдельных государств Африки в победе над фашизмом^[4]. Ответным жестом африканцев стал визит глав Республики Конго, Буркина-Фасо, Гвинеи-Бисау, Зимбабве и Египта, а также генсека Организации Исламского Сотрудничества (ОИС) в Россию 9 мая 2025 г.^[5]

[1] Максимов Ю.В. Первые годы деятельности Патриаршего экзархата Африки Русской Православной Церкви / Максимов Ю.В. // Ученые записки Института Африки РАН. — 2025. — № 1 (11). — URL: <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2025-70-1-99-125> (дата обращения: 10.09.2025).

[2] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. — URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 08.09.2025).

[3] Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом от 14.09.2022 // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1829856/ (дата обращения: 07.09.2025).

[4] Российский посол поздравил жителей Эфиопии с Днем патриотов // ИА Африканская инициатива: официальный сайт. — URL: <https://afrinz.ru/2024/05/rossijskij-posol-pozdravil-zhitelej-efiopii-s-dnem-patriotov/> (дата обращения: 17.07.2025).

[5] Какие иностранные гости приехали на Парад Победы в Москве. Фоторепортаж // Радио РБК: официальный сайт.

Деятельность РПЦ в контексте внешней политики России

Международная деятельность РПЦ включает в себя сферы межправославных, межхристианских, межрелигиозных и международных отношений. Основным исполнительным органом в этой сфере выступает Отдел внешних и церковных связей (ОВЦС), однако взаимодействие с иностранцами осуществляется через миссионерство, образование и т.д. с привлечением соответствующих церковных структур.

В контексте внешней политики России церковь является важнейшим инструментом гуманитарной политики страны. Основные направления совместной деятельности указаны в концепции гуманитарной политики РФ за рубежом (гл 5.). Так, всячески поддерживается международный межконфессиональный диалог. Отдельно указываются такие направления деятельности, как сотрудничество с международными организациями и реализация проекта «Дни России в зарубежных странах с включением мероприятий духовного характера». Примером реализации политики является деятельность РПЦ на постсоветском пространстве, где она выступает объединяющим фактором среди народов бывшего СССР. РПЦ, таким образом, выступает в качестве элемента негосударственной «мягкой силы» России, содействуя продвижению российской культуры и идентичности и поддержанию связей с российскими соотечественниками за рубежом, а также установлению духовных связей между людьми и народами.

На Африканском континенте с 2021 г. действует Патриарший Экзархат Африки. Эта структура является

И.С.ИЛЮШИН

центром миссионерской и просветительской деятельности РПЦ в отношении местного населения. Экзархат был образован в декабре 2021 г. из русских приходов в Африке, а также священников, не поддержавших позицию Александрийского патриарха по вопросу признания Православной Церкви Украины^[1].

К 2025 г. Патриарший Экзархат Африки включает в себя как непосредственно африканские приходы, так и приходы с русскоязычными прихожанами, потомками эмигрантов и дипломатическими сотрудниками. В связи с этим его деятельность можно классифицировать в зависимости от основной целевой аудитории на два типа, каждый из которых можно разделить ещё на два направления в зависимости от географии — африканское и российское:

1. Деятельность, направленная на представителей африканской культуры

а) В Африке. Прежде всего это миссионерство — активное расширение сети приходов, в том числе и странового присутствия РПЦ, массовые переходы в православие и др. и просвещение, причём, с учётом языковой и культурной специфики. Активно развивается служение на иностранных языках, а также ведётся перевод богослужебных книг на иностранные, в т. ч. местные африканские языки. Кроме того, регулярно организуются курсы и мастер-классы для священников и прихожан.

б) На территории РФ. Это работа с африканцами в России ведётся в основном по образовательному треку. Особенно важны для Экзархата православные африканцы, обучающиеся в духовных учреждениях России.

[1] Максимов Ю.В. ТПервые годы деятельности Патриаршего экзархата Африки Русской Православной Церкви / Максимов Ю.В. // Ученые записки Института Африки РАН. — 2025. — № 1 (11). — С. 99-101. — URL: <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2025-70-1-99-125> (дата обращения: 10.09.2025).

С ними регулярно проводятся мероприятия, направленные не только на духовное образование, но и на общее знакомство с культурой и историей России (в т.ч. с историей Великой Отечественной войны). Большую роль играет деятельность по распространению русского языка, поскольку именно он является связующим звеном между православием и российской идентичностью и африканской культурой^[1].

2. Деятельность в русских приходах, культурных центрах, русских домах среди русскоязычного населения.

Отсутствие языкового и культурного барьера облегчает церковную деятельность. Часто такие приходы находятся на территории Русских домов или посольств РФ и выступают в качестве центра, объединяющего русскоязычное население региона. Среди мероприятий можно отметить богослужения, особенно праздничные, проведение дней памяти или празднование различных отечественных праздников. В данном контексте Русская Православная Церковь в сотрудничестве с российскими официальными структурами выступает в качестве объединяющего соотечественников фактора.

а) В Африке священники Экзархата регулярно проводят богослужения в храмах при посольствах и культурных центрах, совместно с официальными структурами организуют различные культурные вечера и отмечают государственные праздники России.

б) В России деятельность Экзархата представлена в основном распространением информации в информационном поле страны, популяризацией

образа миссии. Также представители Экзархата участвуют в различных деловых и гуманитарных мероприятиях.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПО СОХРАНЕНИЮ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Для понимания роли РПЦ в сохранении памяти о ВОВ важно проанализировать образ событий тех лет, транслируемый церковью. Так, период 1941-1945 гг. является, с одной стороны, периодом тяжёлых испытаний: несколько волн гонений, подрыв положения церкви, репрессии тысяч христиан и т.д. Этот период также является центральным в истории российских новомучеников и исповедников. С другой стороны, в годы ВОВ произошло возрождение церкви, был вновь избран патриарх. Кроме того, многие православные священники или просто верующие участвовали в сражениях и получали государственные награды, а епископы церкви, такие как Сергий (Старогородский), выпускали обращения с призываами объединиться для защиты Отечества^[2], что способствовало признанию церкви государством. Таким образом, идея верности Родине и объединения всех наций для её защиты, несмотря на гонения, становится центральной в дискурсе РПЦ в отношении того периода.

В деятельности РПЦ по сохранению памяти о Великой Отечественной войне можно выделить следующие направления:

[1] Брилев Д.А. Русский язык и православие в России и Африке: духовно-культурные основы сотрудничества России и африканских стран / Брилев Д.А. // Журнал Института Наследия. — 2025. — № 3. — С.20-25. — URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/756.html>. (дата обращения: 13.09.2025).

[2] Данилушкин М.Б. История Русской Православной Церкви. От Восстановления Патриаршества до наших дней. Том 1 (1917–1970) / Данилушкин М.Б. // Гл. 12. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Русская Православная Церковь в 1941–43 годы. — СПб.: Воскресение. — 1997. — С.299-300.

- 1) Освещение церковной деятельности в СМИ и на различных информационных площадках (телеканал «Спас», журнал «Фома» и др.);
 - 2) Строительство храмов в память о войне (главный храм Вооруженных сил России или храм на Мамаевом кургане);
 - 3) Причисление участников войны к сонму новомучеников;
 - 4) Восстановление биографий ре-прессырованных в годы войны священнослужителей и верующих;
 - 5) Создание музеев и экспозиций, посвящённых событиям ВОВ. (Музей памяти новомучеников и исповедников российских в ПСТГУ);
 - 6) Участие иерархов и представителей Церкви в различных мероприятиях Дня Победы;
 - 7) Помощь в работе Советского (а с 1992 г. Российского) фонда мира. Сотрудничество с РПЦ осуществляется в рамках направления «Мир и культура», а Патриарх Московский и всея Руси Кирилл является одним из членов Правления Фонда^[1].
 - 8) Проведение религиозных мероприятий в память о погибших в войне (в основном поминальные службы);
 - 9) Организация научных, патриотических и др. мероприятий: конференций, экскурсий, конкурсов и т.д. Примером является конференция «Молодежь о наследии Великой Победы», проходившей в Московской духовной академии или традиционные «Рождественские чтения».
- Таким образом, к основным векторам работы Московского Патриархата в сфере сохранения памяти о Великой Отечественной войне относится преимущественно гуманитарная де-

ятельность, направленная на представление людям возможности узнать о вкладе верующих в победу, а затем и самим принять участие в сохранении памяти о них.

Для взаимодействия с местным населением наиболее задействованы следующие инструменты: распространение информации в СМИ, организация патриотических мероприятий и непосредственное участие в них представителей РПЦ вместе с африканцами, что способствует знакомству местного населения с церковью и позволяет установить контакты со священниками. Это важно в контексте миссионерской деятельности экзархата и повышает престиж мероприятий.

Важную роль в сохранении исторической памяти о событиях Второй мировой войны играет и Русская Православная Церковь. Интересно, что ценность памяти о Второй мировой войне транслируется и на внешнюю деятельность РПЦ. При этом в контексте Африки существенным препятствием является разграничение определений «Великая Отечественная Война» и «Вторая мировая война». Так, Африка не была вовлечена в события Великой Отечественной войны, при этом РПЦ транслирует образ именно советского театра войны 1941-1945 гг., что фактически лишает всех африканцев причастности к данному историческому нарративу.

Для изучения деятельности Патриаршего Экзархата Африки в сфере сохранения памяти о Великой Победе был проведён контент-анализ материалов канала Экзархата в Telegram^[2].

[1] Структура фонда // Российский Фонд Мира: официальный сайт. — URL: <https://peacefound.ru/structure> (дата обращения: 13.10.2025).

[2] Патриарший Экзархат Африки: канал в Telegram. — URL: https://t.me/exarchate_mp (дата обращения: 10.09.2025).

Общее количество постов в канале на 04.09. 2025 г. 6544 публикации по всем тематикам. В результате было выявлено 18 постов, содержащих в тексте слово «Победа». Вручную был проведён анализ представленных материалов: 15 из них посвящены тематике Великой Отечественной войны.

Далее вручную был проведён ивент-анализ на основе материалов канала Экзархата в Telegram и материалов официального сайта Экзархата. На основе ранее представленной

классификации деятельности Экзархата все представленные упоминания о его деятельности были диверсифицированы в зависимости от места проведения (Россия/Африка) и целевой аудитории (россияне/африканцы). Также каждое мероприятие было классифицировано в соответствии с выделенными ранее направлениями деятельности РПЦ по сохранению памяти о Великой Отечественной войне (см. Табл. 1)

Дата	Место проведения	Аудитория	Деятельность Экзархата
08.05.2024	Уганда, берег оз. Виктория	Соотечественники, африканцы, изучающие русский язык	Проведение богослужений Участие в мероприятиях
28.01.2025	Россия, Москва	Иностранные студенты	Организация мероприятий
09.02.2025	ЮАР, Йоханнесбург	Российские соотечественники	Мастер-класс в рамках акции «Гвоздика Победы»
апр 2025	Кот-д'Ивуар	Российские соотечественники, местное духовенство Патриаршего Экзархата Африки	Организация мероприятий
24.04.2025	Марокко, Агадир	Российские соотечественники	Проведение богослужений Организация мероприятий
07-08.05.2024	Марокко, Агадир	Российские соотечественники	Проведение богослужений Организация мероприятий Участие в мероприятиях
09.05.2024	ЮАР, Йоханнесбург	Российские соотечественники	Проведение богослужений

08.05.2024	Эфиопия	—	Участие в мероприятиях
05-08.05.2024	Бенин, Котону	Российские соотечественники	Проведение богослужений Организация мероприятий
05-06.05.2024	Ангола, Луанда	Российские соотечественники	Проведение богослужений Участие в мероприятиях (активное)
04-09.05.2025	Кот-д'Ивуар, Бринжервиль	Православные африканцы Российские соотечественники	Проведение богослужений
07-08.05.2025	Танзания, Дар-эс-салаам	Российские соотечественники	Участие в мероприятиях (активное)
09.05.2024	Руанда, Кигали	Российские соотечественники	Участие в мероприятиях

Таблица 1. Классификация деятельности экзархата по сохранению памяти о ВОВ. Составлена автором в ходе исследования. Источник: https://t.me/exarchate_mp

Как можно видеть из таблицы, из 15 упоминаний о деятельности представителей Экзархата по сохранению памяти о ВОВ большинство было направлено на россиян, в первую очередь речь идёт о российских соотечественниках и сотрудников посольств. Специфика мероприятий чаще всего связана именно с богослужебной и миссионерской деятельностью. При этом представители Экзархата активно участвуют в различных мероприятиях, организованных другими структурами, в основном русскими домами и посольствами. Можно выделить 2 типа участия: организация мероприятий представителями Экзархата (как то встречи с официальными лицами) и вовлечённость в мероприятия в качестве рядовых участников (в таблице не выделяется). Участие в мероприятиях способствует осуществлению коммуникации между россиянами и взаимодействию между представителями церкви и официальными лицами в Африке.

Мероприятия проводились в следующих странах Африки: Ангола, Бенин, Кот-д'Ивуар, Марокко, Руанда, Танзания, Уганда, Эфиопия, ЮАР. Интересно, что трижды проводились мероприятия в Кот-д'Ивуаре. Это может быть объяснено высоким уровнем многостороннего сотрудничества между Москвой и Ямусукро. Страна, несмотря на появление там общины РПЦ только в 2022 г., сегодня формируется как один из центров деятельности Патриаршего Экзархата в Западной Африке. Стоит отметить, что Берег Слоновой Кости до 1943 г. поставлял ресурсы, в т. ч. человеческие, для французской армии, хотя на его территории не проходили боевые столкновения. Среди других упомянутых государств событиями ВМВ наиболее затронуты были Эфиопия и ЮАР, которые непосредственно участвовали в противостоянии странам Оси. Марокко служило базой для операций вишистской Франции, а Уганда и Танзания поставляли ресурсы

в британскую армию. Таким, образом, в большинстве перечисленных стран есть соответствующий ресурс для сохранения памяти о Второй мировой войне, что актуализирует вопрос интерпретации событий тех лет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
Распространение и сохранение памяти о Великой Отечественной войне является одним из приоритетов как внутренней, так и внешней политики России. Будучи неотъемлемой частью российской исторической идентичности, память о героизме предков и всеобщем вкладе в великую Победу стала частью и гуманитарной дипломатии РФ и нашла отображение в основополагающих документах.

Русская Православная Церковь является одним из ключевых инструментов негосударственной мягкой силы. Одним из ключевых направлений её международной деятельности является объединение соотечественников и сохранение их идентичности на основе религиозного единства.

Для Русской Православной Церкви память о периоде Великой Отечественной войны составляет огромную значимость. При этом у церкви сформировался свой образ восприятия событий тех лет. Несмотря на сформированную позицию, можно сказать, что тематика вклада церкви в победу над фашизмом не занимает центрального места в историческом дискурсе России. Именно поэтому не приходится на данный момент говорить об использовании какого-то специфического образа Великой Отечественной войны в контексте международной деятельности РПЦ. При этом, РПЦ активно участвует в сохранении памяти о Великой Отечественной войне, в том числе и за рубежом.

В Африке деятельность РПЦ можно структурировать в зависимости от

региона её реализации и основной целевой аудитории. Эта стратификация четко определяет и основные методы деятельности Экзархата. Так, африканцам чаще предоставляется духовное образование, при этом русскоговорящее образование чаще взаимодействует с церковью в рамках сохранения российской идентичности.

Деятельность Экзархата в общем соответствует концепции гуманитарной политики России за рубежом, однако стоит отметить и наличие собственных приоритетов. Так, Экзархат Африки является в первую очередь именно религиозным институтом, поэтому осуществление пастырского служения является центральным аспектом его деятельности. Таким образом, практически все взаимодействие по гуманитарным вопросам осуществляется именно в контексте богослужения. Исходя из этого, можно говорить о второстепенности для Экзархата распространения памяти ВОВ в Африке, поэтому вполне логичным кажется отсутствие какой-то стратегии в данной сфере. Кроме того, деятельность Экзархата в данной сфере ограничивается в основном русскоязычным населением, поскольку транслирующийся представителями церкви образ ВОВ не может быть полностью воспринят африканцами, которые не принимали участия в событиях войны 1941-1945 гг. Взаимодействие с россиянами за рубежом было одной из основных задач при создании Экзархата. Таким образом, здесь РПЦ выступает в роли сохранения российской идентичности. Вместе с тем, наблюдается наличие достаточного ресурса (исторических событий) для взаимодействия с африканцами в вопросе восприятия памяти о Второй Мировой Войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безбородов М.И. Внешняя деятельность Русской Православной Церкви как «мягкая сила» России / Безбородов М.И. // Вестник Поволжского института управления. — 2021. — № 4 (21). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-deyatelnost-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-kak-myagkaya-sila-rossii/viewer> (дата обращения: 05.09.2025).
2. Брилев Д.А. Русский язык и православие в России и Африке: духовно-культурные основы сотрудничества России и африканских стран / Брилев Д.А. // Журнал Института Наследия. — 2025. — № 3. — URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/756.html>. (дата обращения: 13.09.2025).
3. Буюкли Д.А. Сохранение исторической памяти о вкладе Русской православной церкви в победу в Великой Отечественной войне / Буюкли Д.А. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2019. — № 180 (24). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-istoricheskoy-pamyati-o-vklade-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-v-pobedu-v-velikoy-otechestvennoy-voyne/viewer> (дата обращения: 06.07.2025).
4. Данилушкин М.Б. История Русской Православной Церкви. От Восстановления Патриаршества до наших дней. Том 1 (1917–1970) / Данилушкин М.Б. — СПб.: Воскресение. — 1997. — 1020 с.
5. Максимов Ю.В. Первые годы деятельности Патриаршего экзархата Африки Русской Православной Церкви / Максимов Ю.В. // Ученые записки Института Африки РАН. — 2025. — № 1 (11). — URL: <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2025-70-1-99-125> (дата обращения: 10.09.2025).
6. Матияшин В.Я. Русская Православная Церковь в мире / Матияшин В.Я. // Международная жизнь. — № 12. — 2008. — URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1615> (дата обращения: 13.09.2025).
7. Олевич В. Миротворческая миссия СССР в Великой Отечественной войне и современная культурная дипломатия / Олевич В. // Международная жизнь. — № 2. — 2022. — URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2619> (дата обращения: 10.09.2025).

REFERENCES

1. Bezborodov M.I. Vneshnyaya deyatel'nost' Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi kak «myagkaya sila» Rossii [The external activities of the Russian Orthodox Church as Russia's «soft power»] / Bezborodov M.I. // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. — 2021. № 4 (21). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-deyatelnost-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-kak-myagkaya-sila-rossii/viewer> (accessed: 05.09.2025).
2. Brilev D.A. Russkij yazyk i pravoslavie v Rossii i Afrike: duhovno-kul'turnye osnovy sotrudnichestva Rossii i afrikanskih stran [Russian language and Orthodoxy in Russia and Africa: spiritual and cultural foundations of cooperation between Russia and African countries] / Brilev D.A. // ZHurnal Instituta Naslediya. — 2025. — № 3. — URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/756.html>. (accessed: 13.09.2025).
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-istoricheskoy-pamyati-o-vklade-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-v-pobedu-v-velikoy-otechestvennoy-voyne/viewer> (accessed: 06.07.2025).

3. Buyukli D.A. Sohranenie istoricheskoy pamyati o vklade Russkoj pravoslavnoj cerkvi v pobedu v Velikoj Otechestvennoj vojne [Preserving the historical memory of the Russian Orthodox Church's contribution to victory in the Great Patriotic War] / Buyukli D.A. // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2019. — № 180 (24). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-istoricheskoy-pamyati-o-vklade-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-v-pobedu-v-velikoy-otechestvennoy-voyne/viewer> (accessed: 06.07.2025).
4. Danilushkin M.B. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. Ot Vosstanovleniya Patriarshestva do nashih dnej. Tom 1 (1917–1970) [History of the Russian Orthodox Church. From the Restoration of the Patriarchate to the Present Day. Volume 1 (1917–1970)] / Danilushkin M.B. — SPb.: Voskreseniye. — 1997. — P. 1020.
5. Matiyashin V.YA. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v mire. [Russian Orthodox Church in the world.] / Matiyashin V.YA. // Mezhdunarodnaya zhizn'. — № 12. — 2008. — URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1615> (accessed: 13.09.2025).
6. Maksimov YU.V. Pervye gody deyatel'nosti Patriarshego ekzarchata Afriki Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi [First years of activity of the Patriarchial exarchate of Africa of the Russian Orthodox Church] / Maksimov YU.V. // Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN. — 2025. — № 1 (11). — URL: <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2025-70-1-99-125> (accessed: 10.09.2025).
7. Olevich V. Mirovorcheskaya missiya SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne i sovremennoj kul'turnoj diplomatiya [The peacekeeping mission of the USSR in the Great Patriotic War and modern cultural diplomacy] / Olevich V. // Mezhdunarodnaya zhizn'. — № 2. — 2022. — URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2619> (accessed: 10.09.2025).

Сетевое издание «Международный аспект International Aspect» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: ЭЛ № ФС 77 - 80193 от 22 января 2021 г.

Журнал (периодическое печатное издание) «Международный аспект International Aspect» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: ПИ № ФС 77 - 85925 от 06 октября 2023 г.

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

Компьютерная верстка С.А. Беломытцева
Дизайн обложки Д.М. Киселёва

Подписано в печать ДАТА. Формат 60×84 $\frac{1}{8}$.
Усл. печ. л. ХХ. Тираж 60 экз. Заказ №

Отпечатано в производственном отделе
Издательского дома МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

The certificate of registry of mass media, registration date ЭЛ № ФС 77 - 80193, 22.01.2021 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

The certificate of registry of print media, registration date ПИ № ФС 77 - 85925, 06.10.2023 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

Layout: Sofiya Belomittseva
Cover design Daria Kiseleva

Published by MGIMO University. Number of printed copies: 60.

ISSN 2949-6381 (Print)
ISSN 2949-6365 (Online)